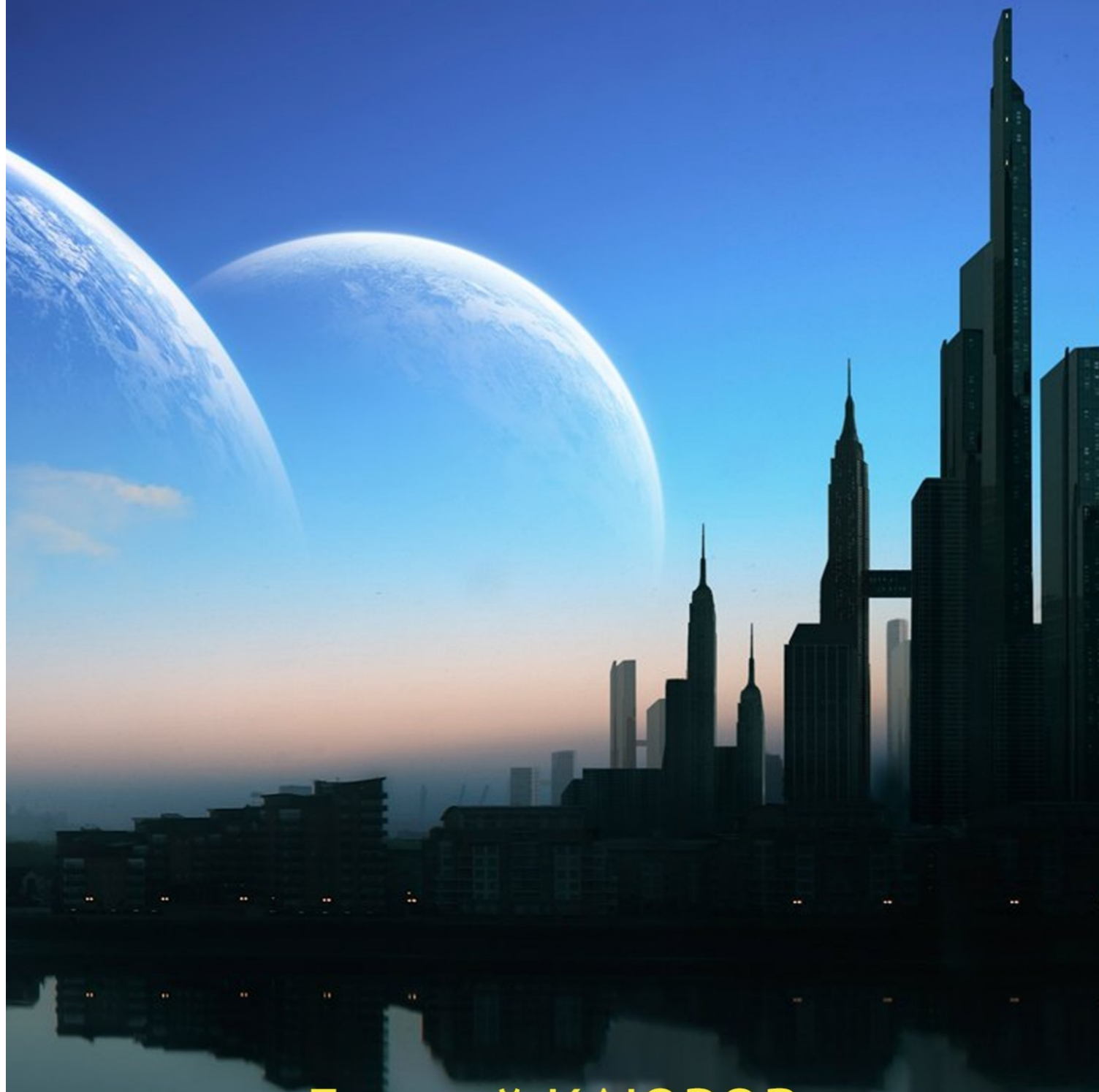

Счастья не бывает МНОГО

Сборник рассказов

Георгий КАЮРОВ

Георгий Каюров

Счастья не бывает много. Сборник

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Каюров Г. А.

Счастья не бывает много. Сборник / Г. А. Каюров — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Сборник рассказов. В представленной подборке две повести и циклы рассказов посвящённые Великой Отечественной войне, Бессарабии и судьбе маленького человека.

Счастья не бывает много

Инга не спеша шла по улице, разглядывая витрины. В заключительную, пешую часть путешествия она отправилась налегке. Дамская сумочка, переброшенная через плечо на манер котомки, дополняла её спортивный облик. Небольшой багаж – чемодан, зонтик и пакет с остатками продуктов, приготовленных матерью на дорогу, она на всякий случай сдала в камеру хранения, захватив только паспорт и билет на обратную дорогу.

Утренний город всюду гудел транспортом. Автополивалка брызгами разгоняла сонных прохожих. Те отскакивали и, встрепенувшись, как заводные устремлялись вперёд. Потянуло прибитой пылью. Улицы начинали поливать спозаранку, но с первыми лучами солнца зной сгущался над городом. Инга следила за номерами и дом от дома замедляла шаг. Со стороны могло казаться, девушка рассматривает витрины, но на самом деле её тревожили мысли о предстоящем знакомстве, ради которого она преодолела тысячу километров и теперь шла ему навстречу, шаг за шагом, удар сердца за ударом. И если в поезде она равнодушно взирала на мелькающие за окном пейзажи, то сейчас охватило волнение.

Инга собралась в эту поездку наперекор воли близких. По мере того как она приближалась к цели своего путешествия, заплаканное лицо матери представало перед глазами всё чаще и чаще. Для себя Инга ещё на первом курсе решила: «Окончу институт и с дипломом поеду. Пусть знает, у меня и без него всё в порядке». Сдала госы, защитила диплом и вот идёт по городу, в котором живёт отец.

«Может, мама права? – Инга остановилась у высоких стеклянных дверей, на которые прилепили кусок обоев с надписью красным карандашом «ремонт». – Зачем приехала? – Она осмотрела своё отражение. – Вроде, ничего. Немного растрёпана после поезда. – Взбила волосы и поправила блузу, налезшую на шею. – Шея папина, – вспомнились слова бабушки. – И губы папины. И кость тонкая, как у отца. Это уже слишком! Бабушку послушать, так у меня всё от отца».

Особенно озадачивало Ингу, когда бабушка в сердцах говорила: «Такая же упёртая, как её отец», и поднадавливала на слова «упёртая» и «её».

«Хватит воспоминаний, – девушка решительно направилась по улице. – Решено – сделано. Вот и дом».

Арочный проход во внутренний двор продувало сквозняками, но загаженность ночными гастролёрами, ощущалась явно. В дальнем углу двора, скрипнув пружиной, хлопнула подъездная дверь, выпуская на улицу ученика.

– Молодой человек, – обратилась она, едва поравнявшись со школьником. – Не подскажешь, где двадцать четвертая квартира?

– В этом парадном, – указал тот на подъезд. – На третьем этаже. Вы к кому приехали? – полюбопытствовал подросток, не скрывая желания поболтать с незнакомкой.

– Иди в школу, – развеселилась девушка, неожиданно ощутив себя давней соседкой этого малого. – Любопытной Варваре нос оторвали.

– Ну и ладно, – парировал он и поплёлся вон со двора, но прежде чем скрыться в арке, всё-таки оглянулся. Инга словно ждала этого, весело помахала «любопытной Варваре». Скрылся первый знакомый, а с ним и нервная весёлость улетучилась. Взгляд остановился на лавочке, к ней она и направилась. Там, у себя дома, Инга не сомневалась в решении поехать к отцу, но сейчас, находясь у самой двери в подъезд, в котором живёт её родной папа, она ощутила дрожь в груди. Пальцы остыли и слегка тряслись. Мысли смешались, и она никак не могла вспомнить, как собиралась выстроить поведение, никак не могла придумать, как и что говорить.

Лавочка – любимое место молодёжи. Повсюду разбросаны фантики от конфет и жвачек. Среди сора стремительно бежал, не разбирая дороги, муравей. Он нёсся сломя голову через окурки, бумажки, щепки. «Дома не ночевал», – прикованным взглядом Инга следила за букашкой. «Я – тоже», – девушка тяжело вздохнула и поёжилась, пытаясь хоть как-то разо-

гнать неожиданно подступившую тоску. Она снова поправила волосы, в этот раз туго перетянув резинкой в хвост. Сумбурность мыслей прервали голоса дворников. Две женщины и мужчина в оранжевых жилетах принялись лихо мести двор. Инга как замороженная следила за метлой, зачищавшей всё на своём пути. Блюстительница чистоты быстро приближалась и совсем скоро замела муравья, стремившегося к детской песочнице, но так и не попавшего туда.

«А вот я попала», – подумала Инга, уставившись на освещённые солнцем окна пятиэтажки.

– С утра сидят, – недовольно бубнила дворничиха. – С вечера не насидятся. И всё гадают и гадают, гадают и гадают.

Она зло нажимала и на слово «гадают», и на метлу и норовила скорее приблизиться, явно желая хоть разок зацепить девицу. Ингу лихорадило от эмоций – она то улыбалась, запрокинув голову и щурясь смотрела на небо, то искоса поглядывала на ворчунью, прикусывая край воротника. Едва метла не коснулась носка её туфли, она резко встала и направилась к подъезду.

– О, о, пошла, пошла, – съехидничала ей вслед дворничиха.

– К чёрту, – шёпотом отмахнулась Инга.

Раз, два, раз, два, отсчитывала она ступеньку за ступенькой, вот и квартира. Девушка прислушалась к тишине за дверью. Часы указывали без четверти семь.

«Тихо. Может, спят ещё?» – гадала она, не решаясь позвонить и оглядывая площадку.

Инга ещё на вокзале поймала себя на желании внимательнее разглядеть всё, где и чем жил отец. Этажом выше открылась дверь, и послышались шаги. Она быстро нажала на кнопку и пожалела – не хотелось, чтобы открыли при посторонних.

– Если не договаривались, не откроют, – пробурчал сосед, спустившийся сверху.

Инга долгим взглядом проводила того и нажала на кнопку ещё раз, настойчиво подержала. В глазке проплыли тени, и щёлкнул замок.

На пороге появилась женщина чуть выше среднего роста. Одной рукой она держала халат внахлест, а другой – намотанное на голову полотенце. Женщина не спешила начинать разговор, и Инга от волнения не находила слов.

«А я выше, – всё-таки отметила она про себя. – Если бы не мамина дурацкая работа, то она была бы красивее. У этой приятное лицо. В ней есть шарм. Интересная особа».

– Слушаю вас, – растянув губы в улыбке, прервала затягивающуюся паузу женщина, но ей не удалось скрыть недовольства настойчивостью раннего визитёра, к тому же девицы.

– Я Инга, – всего-то и нашлась ответить девушка.

Памятливая тень мелькнула на лице женщины, на миг смутив прекрасные черты.

– Проходите, пожалуйста, – с запинкой проговорила она и посторонилась, жестом приглашая гостью. Известие взволновало, но это не помешало хозяйке прекрасно улыбнуться. Она закрыла дверь и достала из тумбочки тапочки.

– Это вам, – полушёпотом произнесла она.

– Кто там? – раздался из глубины квартиры мужской голос, женщина не ответила. «Наверно, он», – сердце у Инги забилося чаще и громче, глаза бегали с двери на дверь, ожидая появления отца. Она никак не могла ногами попасть в тапочки, но и отец не появлялся.

– Проходите в комнату, – тихо повторила хозяйка, и Инга почувствовала её лёгкое прикосновение у себя на лопатке.

Донеслись шлёпанья босых ног, и из проёма в стене вышла девочка лет десяти, следом выбежала вторая – лет около шести. Обе в пижамах и с длинными распущенными волосами. Они с интересом уставились на гостью. Едва Инга собралась поздороваться с ними, как в дверях показался мужчина. Она ждала этого, но всё равно растерялась. Язык не поворачивался хоть что-то произнести. Перед глазами вставали образы, описываемые матерью. Высок. Вот только сутулится. Волосы чёрные, только прорезаны сединой. Стрелки у глаз есть. Мать рассказывала – из-за них в молодости потеряла голову. Очень ей хотелось, чтобы будущий муж

имел стрелки у глаз. Взгляд глубокий и тёплый. «От глаз – не оторваться, – восхищённо повторяла мать». Есть такое. Он!

– Это я... – едва смогла выдавить из себя Инга. – Вот, приехала...

– Вижу, – коротко ответил отец.

Он улыбался одними стрелками. Точь-в-точь, как рассказывала мама. Они смотрели друг на друга и не находили слов. Инга почувствовала – отец «говорит с нею», но не была готова к такому «общению». Сейчас она пожалела, ведь не верила матери, когда та рассказывала, как они с отцом могли разговаривать глазами, относя это к выдумке, и потому не расспрашивала. Мама часто и подолгу восторженно вспоминала очередную историю: «Однажды, так получилось, зашли мы в разные двери вагона электрички. Людей тьма! Стоим, разделённые пролётом, и смотрим друг на друга – разговариваем». Инга относила всё это к материным грёзам молодости. И вот отец ей что-то «говорил», но она не понимала, а как бы хотелось!

– Располагайся пока, – одними губами обозначил отец и скрылся в комнате.

– Девочки, умываться, – отдавала распоряжения мать, но сёстры не сдвинулись с места, с любопытством рассматривая гостью. – Так, быстро умываться. Кому говорю?! – мать повысила голос и так же, как и Ингу, поторопила прикосновением.

– У неё волосы, как у меня, – сказала младшая, выглядывая из-под материной руки, и уже в дверях в ванную снова обратилась к матери: – Мама, правда?

– У неё стрижка, – парировала старшая.

– Как у меня, правда, мам? – не сдавалась младшая.

– У неё стрижка, – настаивала сестра.

– Танька, отстань! – прикрикнула на сестру младшая. – Мам, ну скажи – цвет как у меня, правда?

– Мыться, – обеим коротко приказала мать, прикрывая за собою дверь.

В ванной смешались шум воды с голосами девочек. «Мама, а кто это к нам приехал?» «Мама, это тётя или девочка?»

– Это ваша сестра приехала к нам в гости, – попыталась ответить сразу на все вопросы мать, но их посыпалось ещё больше. «Когда ты её родила?» «Где она была до этого?» «Она теперь будет у нас жить?» «А где она будет спать?»

Инга улыбнулась и уже с интересом оглядела комнату.

– Заканчивайте и завтракать, – строгим тоном осадил девочек мать и вышла уже в домашней одежде и причёсанная. – Что же вы стоите? Проходите в комнату. – Женщина снова мягко коснулась Ингиной спины, и они вместе прошли в гостиную. – Меня зовут Елена Николаевна, – с этими словами хозяйка протянула руку.

Инге вспомнилось, как мама однажды крепко пожала мужчине руку, и хотела тоже стиснуть протянутую ладонь, но у неё не получилось. Елена Николаевна искусно прихватила только её пальцы, и получилось лёгкое прикосновение.

«Надо же, совсем по-женски поздоровалась», – отметила про себя девушка. – У мамы тоже были тонкие, красивые пальцы, но тогда – это мужское рукопожатие резануло, и позже она поинтересовалась у матери: «Разве хорошо с мужчиной здороваться за руку?»

«Мир изменился, и сейчас все здороваются за руку – и мужчины и женщины – это нормально», – объяснила сухо мать.

Только что Инга стала свидетелем – мир не изменился. Вот стоит женщина, которая поздоровалась с нею, с женщиной, по-женски. И нет никаких – «сейчас это нормально».

– Не стесняйтесь, будьте как дома, – и снова вышедшему из комнаты мужу Елена Николаевна адресовала: – Сейчас будем завтракать. За столом и поговорим.

– Давай вещи, – отец протянул широкие ладони. – Что-то не густо.

– Очень приятно, остальные оставила в камере хранения, – невпопад ответила Инга, передавая сумочку. Она ожидала – отец засуетится, но, увы...

– Проходи прямо на кухню. Я сейчас, – скинул сумочку на диван и снова скрылся в комнате.

Семья зажила обычными хлопотами, словно никаких посторонних в доме. Никто не спешил извиняться за утренний беспорядок и за то, что прозевали прибытие гостей. В Ингиной жизни всё происходило бы наоборот. Хозяева улыбались бы, извинялись, а во взглядах сквозило бы недовольство. Правды ради, Инга понимала, она не называла точной даты. В том единственном телефонном разговоре, на который решалась почти месяц, сумбурно говорила, лепетала, дрожа от волнения, и в завершение сообщила, собирается приехать примерно в двадцатых числах мая. И всё равно в этой семье чувствовалось другое отношение.

– Переодеваться и причёсываться, – из кухни отдала дочерям новое приказание мать. – Забирайте Ингу с собой, покажите свою комнату.

После неожиданного для них известия девочки с ещё большим интересом рассматривали незнакомку-сестру.

– Я Люся. Мне шесть лет и десять месяцев, – представилась младшая девочка. Она особенно вглядывалась в гостью.

Инга отметила – для шести лет девочка обладала взрослым осмысленным взглядом.

– Через два месяца будет семь, – поддержала Люсю сестра.

– Танька, я сама скажу, – огрызнулась младшая.

– Таня, – представилась старшая сестра. – Пойдём в нашу комнату.

– Инга, – назвала и своё имя Инга. – Пошли.

Она собралась взять девочек за руки, но те убежали и, когда Инга входила следом, то уже приготовились показывать пенаты. Комната вмиг превратилась в склад разбросанных игрушек, доставаемых из разных шкафов одна за другой. Телевизор мелькал мультиками. Девочки говорили наперебой.

У Инги никогда не было столько игрушек. Она рассматривала всё, что сёстры ей показывали – глаза разбегались. Ей с детства хотелось иметь сестру или брата. Сейчас же видела сразу двух сестёр, и они были такими маленькими. Инга никак не могла решить – общаться с ними как с младшими девочками или как с сёстрами, и в чём разница.

– Ты будешь спать с нами, – заявила Люся. – Не переживай. Папа поставит вот здесь кровать для тебя.

– Я не переживаю, – Ингу смутила детская прямолинейность.

– Люська, не болтай, – Таня чувствовала неладное в происходящем, но сама не могла объяснить, сказанное младшей сестрой её также смутило.

– А что? – не унималась Люся. – Она же наша сестра. Где она будет спать? Где ей кровать ставить?

Как вы тут? У-ух, разгромили комнату! – прервала зарождающийся спор Елена Николаевна. – Давайте завтракать, – и в этот раз её улыбка была лёгкой, без напряжения.

Девочки первыми заняли места. Елена Николаевна заканчивала сервировать стол. Инга опустилась на ближайший к ней стул.

– Это папино место, – снова объявила Люся.

– Тихо ты, – одёрнула сестру Таня.

Инга растерянно улыбнулась. Она не знала, что делать, но и интерес, как поведёт себя отец, сам собою разгорелся. Ей очень захотелось, чтобы папа позволил сидеть на его месте и чтобы он это сделал на виду у всей семьи и именно сейчас. Может же она рассчитывать на такую привилегию хотя бы как гостье? Тем более всё это условности. У неё в семье рассаживаются, как за благорассудится. Инга придвинула тарелку, но приступить к еде не решилась. Все ждали отца. Покрутив вилку в руке, она вернула её обратно. К завтраку вышел высокий парень и голосом отца поздоровался:

– Здравсте. Матвей, – представился он и занял своё место.

Только едва уловимая улыбка, слетевшая с его губ и быстро прикрытая склонённой головой, выдала интерес подростка к утренней гостье.

– Это наш Мотя, – громко представила брата Люся.

«Он спросил «Кто там?», – отметила про себя Инга, с интересом разглядывая брата. Матвей был похож на отца как две капли воды. Увлечённая рассматриванием ребят, Инга не заметила, как подошёл отец, и его крепкие руки взяли дочь за плечи, а приятный голос, чуть-чуть мягче, чем у Матвея, над самой её макушкой сказал:

– Вот сюда садись.

Инга сама не поняла, как подчинилась. Она постаралась ни на кого не смотреть, но проступивший румянец выдал конфуз.

– Я же говорила – это место папино! – многозначительно воздев брови кверху и округлив смешно глаза, утвердительно произнесла Люся.

– Люська! – зашипела на сестру Таня.

– Танька, отстань! Мама, скажи ей, – пожаловалась Люся.

– За возню обеих выставлю из-за стола, – тихим голосом приструнила мать дочерей.

Семья расселась – и Инге определили своё место. Никто и ничто не могло сбить заведённый порядок. Даже её приезд. И ей это только что продемонстрировали. От осознания этого придавило в груди.

«Дура, зачем приехала? Кому ты здесь нужна?» – Инга понимала, эта оскорблённость не оправдана, но едва могла с нею справиться, предательский румянец выдавал подпорченное настроение.

– Я пью кефир, – неожиданно сообщила Люся, внимательно разглядывая покрасневшее лицо старшей сестры. – Что с тобой? Он полезен. Танька не любит кефир. Папа, правда, кефир полезен?

– Правда, – кивнул отец. – Плохо, что Таня не пьёт кефир. Ешь.

– Мама, – не унималась Люся. – Ей кровать можно поставить рядом с моей.

– Не хорошо говорить о присутствующих в третьем лице, – наставила дочку Елена Николаевна. – Ешь. Поставим рядом с твоей.

Инга урезонилась и даже повеселела. Она стала украдкой поглядывать на сестёр и брата.

– Как с учёбой? – Григорий Михайлович взглядом адресовал вопрос сыну.

– Нормально, – Матвей хитро заулыбался, ниже к тарелке пригнув голову. – Экзамен по химии приближается.

– И что? – отец поднял на сына глаза.

– Не сдам, наверное.

– Это как?

– Ничего в химии не понимаю.

За столом воцарилось молчание. Инга увидела на лицах домочадцев озабоченность. Даже Люся нахмурила брови, сведя их пухлыми бугорками к самой переносице.

– Ты, что, совсем дурак? – неожиданно выпалила она. – На тройку не сможешь сдать?

– Во-во, – сверкнув улыбкой в стрелках у глаз, согласился отец, но уже никто не мог сдержать эмоций.

Общий смех оживил обстановку. Инга догадалась, – Люся скопировала слова папы, тем самым вызвав оживление.

– Правда, папа?

– Ешь. Правда, – и спокойным тоном напутствовал сына: – Сдашь. Это же так просто – всего лишь химия!

Напряжение пропало. Семья продолжила завтрак, а на Люсином лице отобразилась уверенность, – брат обязательно сдаст химию.

– Всего лишь химия, – с важным видом заявила она и, глядя на Ингу, добавила: – Когда у меня будет химия, я буду сдавать сразу на пятёрку. Правда, папа?

– Правда, – поддержал отец и погладил её по голове. – Я всё, – глава семейства поднялся. – Поехал. Пока устраивайся, – с этими словами Григорий Михайлович положил руку Инге на плечо. – Остаёшься в помощь Елене Николаевне по хозяйству. Мы с тобой пообщаемся на выходные. Да, и ещё, какой номер камеры хранения и код? После работы заскочу за твоими вещами.

– Я могу сама...

– Нет, – мягко отрезал отец. – Ты на хозяйстве с Еленой Николаевной.

Следом собрались и дети – отец отвезил их в школу. Многоголосый шум выкатился из прихожей на лестничную площадку, и в квартире воцарилась звенящая тишина.

За домашними заботами женщины быстро нашли общий язык. Инга отметила – жена отца спокойная, рассудительная, с искусно прикрытой властностью женщина. Она умело управлялась по хозяйству, успевая поддерживать разговор. Иногда девушке казалось, собеседница, увлечённая готовкой, не слушает или не расслышала, но следовавший вопрос или ответная реплика разубеждали. Не заметив как, Инга рассказала о себе всё и даже поделилась сокровенными девичьими переживаниями. Она и сама с интересом слушала Елену Николаевну, которая много и с охотой рассказывала о детях, обходя отношения родителей.

– Елена Николаевна, как вы познакомились? – не выдержала Инга и задала мучающий её вопрос.

– Очень просто, – хозяйка едва заметно улыбнулась. – Как и все – пришёл, увидел, победил.

– Вот так сразу, с первого раза? – Инга взглянула возбуждённо на собеседницу и поспешила отвернуться, ей опять стало нестерпимо обидно за маму.

– Ну, не с первого, – Елена Николаевна задумалась.

Было заметно, ей не приходилось разговаривать с детьми о сугубо личной жизни, и она оказалась не подготовленной, поэтому стала говорить с расстановкой:

– В разговоре развязан, движениями грубоват, я бы сказала – не отёсан, но во взгляде глубина и уют. Такая, понимаешь, – надёжность! Поначалу меня раздражало многое... – Елена Николаевна снова задумалась на мгновение и, с облегчением вздохнув, продолжила: – Почти всё. Каждый раз спрашивала себя, зачем мне это надо? Но он звонил, и я соглашалась встретиться. Звонил не тогда, когда я его просила или договаривались. Звонил тогда, когда... – на лице Елены Николаевны мелькнула счастливая улыбка. – Звонил, когда звонил. Я всегда выходила с настроением – это последний раз. Говорила себе: сейчас выйду и всё скажу, рубану с плеча, и всё кончено.

– В жизнь не выйду, если мне парень звонит не тогда, когда договорились.

– Как говорит наш Мотя, возьми с полки пирожок. Извини, пожалуйста, – мило улыбнулась хозяйка. – Я была такая же! Потому и говорю: Пришёл, увидел, победил.

– Почему вы Матвея Мотей называете?

– Уже и не помню, – Елена Николаевна отвлеклась от работы, вспоминая. – А! Когда Мотя родился, мы его назвали Матвеем. Долго выбирали имя. Потом давай думать, как называть ласково. Матвеечка? Матвейчик? Матвейка? Все очень простецки. Как-то Григорий Михайлович пришёл с работы, а Матвей стоял у шкафа и натянул на себя кучу вещей, ему тогда около двух лет было. Папа наш и говорит: «Что это за тётя Мотя появилась?» Матвей возьми и давай повторять: «Мотя, Мотя». Каждый раз, как папа приходил с работы, Матвей встречал его и кричал: Папа! Мотя! Так и появился Мотя, но мы его так зовём только в семье. На людях – Матвей.

– Вы любите отца? – неожиданно спросила Инга и затаилась, не решаясь даже глаза поднять.

– Это что ещё такое? – вспыхнула хозяйка. – Не надо задавать такие вопросы. – Женщине удалось справиться с эмоциями, голос её зазвучал спокойно. Инге даже показалось, Елена Николаевна похолодела. – Отношения родителей, извини за такое обобщение, не должны волновать детей. Не прилично задавать подобные вопросы взрослым, – Елена Николаевна сделала паузу и тише добавила: – Я и так позволила больше чем положено.

У Инги сжалось сердце от ощущения того, что только что для неё открылась какая-то страшная тайна, о которой отец даже не догадывается. Она даже поспешила пожалеть отца. Но Елена Николаевна собралась с мыслями и продолжила:

– Для меня Григорий Михайлович как океан. Я с головой погрузилась в него. Как же я могу не любить такого человека? – глаза Елены Николаевны источали такую верную любовь, разглядев которую, Инга изумилась. Хозяйка выдержала изучающий взгляд девушки и тихо закончила: – И всё на этом!

Инга не находила слов. Её снесло этим любящим чувством. Она никогда и ни у кого не видела такого взгляда – ни у своих подруг, ни у матери, ни у кого из подруг матери. Ей было о чём задуматься. За короткое время пребывания в отцовском доме она успела столько всего видеть, что всё, с чем сталкивалась, ставило в тупик. Она жила не так. Её жизнь тоже была нормальной, но не такой, как в семье отца. Инга ясно отдавала себе отчёт в том, что семейный уклад, чужой для неё семьи, захватил её с головой, и это ей нравилось.

За разговорами и занятиями по дому женщины не заметили, как время подошло к обеду.

– Заболтались мы с тобой, – Елена Николаевна взглянула на часы. – Так. Суп готов, котлеты, макароны и компот. Ты будешь чай или компот?

– Чай, но можно ограничиться и компотом, – поспешила ответить Инга.

Щёлкнул замок входной двери.

– Ма, привет! – крикнул Матвей, прибежавший из школы.

– Наши возвращаются, – улыбнулась хозяйка и повернулась к двери, ожидая, пока сын войдёт в кухню. Встретила она его, укоризненно качая головой.

– Здравствуй, – поздоровался Матвей с гостьей.

– Вот теперь здравствуй, – мать потрепала сына по вихрам. – Люсю снова забыл подождать? – Елена Николаевна сняла фартук. – Ладно, развлекай Ингу, а я быстро сбегаю.

Инга рассматривала лицо брата. Для Матвея, хоть и старшеклассника, также неожиданным оказалось появление старшей сестры, и он испытывал некоторую неловкость. По наставлению матери он приготовился развлекать гостью. Ничего не придумав лучшего, уселся напротив и умолк, разглядывая утварь на столе.

– Матвей! – позвала из коридора мать: – Руки помыл после улицы?

И Инга и подросток заговорщицки заулыбались. Он едва не схватил горбушку.

– Уже мою, – парировал Матвей, но в ответ захлопнулась входная дверь.

– Куда собираешься поступать? – поинтересовалась Инга, когда они остались вдвоём.

– Не знаю ещё, – равнодушно пожал плечами Матвей. – Отец говорит, надо идти в медицинский институт.

– А сам как думаешь? – старшую сестру разозлил ответ брата.

– Я тоже так думаю.

– Совсем нет личного мнения? – продолжала она злиться, едва сдерживаясь, чтобы не наговорить лишнего.

– Почему же? – брат почувствовал настроение сестры и смешливо зыркнул. – Мама у нас врач, всегда поможет. Папа тоже поддержит.

– Разве он медик? – с иронией проговорила Инга.

– Он не врач, но разбирается в медицине. Мама, когда у неё сложный случай, всегда консультируется с папой.

– Надо же? – не смогла скрыть удивления Инга. – И что же он советует?

– Зря ты так, – не принял ироничный тон подросток. – Отец очень хорошо разбирается в медицине. Когда он был студентом, то подрабатывал на «скорой» фельдшером. Идём. – Поймав недоверчивый взгляд сестры, Матвей вскочил. – Правда, отец не разрешает заходить к нему в кабинет, но мы потихоньку.

Полумрак комнаты встретил их уютом. У окна стоял пузатый стол на коротеньких ножках-шпильках и рядом с ним чертёжная доска. Штативная лампа была прикреплена так, чтобы можно было повернуть её как к столу, так и к доске. Напротив стола – кожаные кресло и небольшой глубокий диван. Все стены до потолка закрывали шкафы, заставленные книгами.

– Вот, смотри, – Матвей открыл единственный глухой шкаф и извлёк оттуда туго перетянутую бечевой, набитую бумагами папку. Он бережно стал доставать из неё корочки и протягивать сестре. – Это всё папины. Это диплом фельдшера. Это – архитектора. А это благодарность от экспедиции за то, что папа спас жизнь участнику экспедиции.

– Что он сделал? – разглядывая письмо, поинтересовалась девушка.

– Он прооперировал геолога и спас ему жизнь. Была нелётная погода, и к ним не мог прилететь на помощь вертолёт. Нужно было срочное хирургическое вмешательство. Папа сделал операцию, – с гордостью сообщил Матвей.

– А он умеет?

– Конечно, умеет! – воскликнул подросток, почувствовав недоверие сестры. – Смотри, – и он достал следующую бумагу. – Это его зачётка по хирургии. Одни пятёрки, и за лекции, и за практические занятия. Он специально ходил в мединститут на лекции по анатомии и практиковал резать, чтобы повысить свои знания. А ты знаешь, где тренируются студенты, будущие хирурги? В морге!

– Всё равно это безответственно, – с упрямством в голосе, настаивала Инга.

– Сама ты безответственная, – огрызнулся брат.

– А здесь что такое? – Инга отклонила занавеску на боковой стенке шкафа.

– Это папино оружие, – с гордостью сообщил брат. – В молодости он занимался фехтованием на саблях.

– Какая-то странная сабля, – нарочно, как можно равнодушнее произнесла она, видя, с каким запалом гордости рассказывает брат. – Квадратная...

– Сама ты квадратная! – не на шутку разозлился Матвей. – Смотри! – и он достал очередную диплом. – Это папа выиграл турнир по фехтованию, а это его билет кандидата в мастера спорта.

– Кандида-ата-а, – протянула Инга, уже не скрывая весёлости. – Я думала он мастер, а он всего-то кандидат.

– Что ты понимаешь! – взорвался от обиды Матвей.

– Ладно, ладно, – рассмеявшись, быстро заговорила Инга. – Я пошутила, Матвей. Конечно, это всё здорово! Я, как и ты, горжусь папой!

– Ну тебя! – отмахнулся Матвей. – Выходи из папиного кабинета.

– Матвей! – Инга поймала брата за руку и, заглядывая в глаза, проговорила: – Я пошутила. Правда!

– Выходи, – смягчил тон Матвей.

– Мир? – Инга протянула руку.

– Мир, – примирительно пробубнил Матвей, отворачиваясь от сестры. – Надо выходить, а то мама сейчас придёт и будет ругаться.

* * *

Дни пролетали один за другим. Инга всё чаще погружалась в раздумья. Противоречивые чувства терзали её. Она стыдила себя за тот душевный комфорт, в котором купается в семье отца, и жалела мать. Сколько страданий ей доставляет, откладывая отъезд! Она выискивала

недостатки и пыталась придирается к мелочам в укладе этой семьи, но стоило Елене Николаевне позвать помогать по хозяйству, она забывала обо всём и с удовольствием готовила еду, убирала квартиру, складывала детские игрушки. Пока девочки были в школе, она раскладывала игрушки на кроватях и любовалась. Инга не могла объяснить всего того, что видела каждый день в доме отца, а главное, своего желания участвовать в этой жизни. Она не могла объяснить себе, почему дети тянутся к отцу? Весь день они проводили с матерью. Елена Николаевна занималась их жизнью, участвовала в детских вечеринках, а зачастую и сама их организовывала. Отец утром видел семью во время завтрака. Ужиная, общались дольше. Правда, много говорил и с каждым накоротке. Но если кто-то из детей переходил грань, то тут же одёргивал его, иногда, в понимании Инги, недопустимо грубо, и всё продолжалось. Как-то маленькая Люся взяла за привычку замахиваться кулаком на всех домашних. За ужином замахнулась и на отца. Она сделала это в шутку, но отец выставил свой кулак и ткнул в лоб Люсе.

– Следующий раз долбану тебя так... – отец запнулся негодуя, взгляд его посуровел, и голос зазвучал глухим гневом. – Раз и навсегда перестанешь... Где ты этому научилась? Не хорошо на папу, маму, брата, сестёр замахиваться.

Отец не собирался выслушивать оправданий. Ужин потёк своим чередом. Инга следила за реакцией всех членов семьи, но никого не занимало произошедшее. Даже маленькая Люся ничуть не изменилась в лице, только почесала лоб. Инга отметила про себя – стала бы назло делать. Сколько ещё нервов у матери потрепала бы. А тут...

После ужина отец уходил в свой кабинет работать. Без надобности к нему никто не заходил. Даже для неё не сделали исключения. Показывая квартиру, Елена Николаевна на две двери только указала рукой:

– Это рабочий кабинет нашего папы, а это родительская комната. Она не для экскурсий.

Комната Матвея Инге понравилась, но подросток стоя выждал, пока гостя всё осмотрит, и поспешил закрыть двери. На что мать только улыбнулась и так прокомментировала действия сына:

– Личное пространство.

Зато комната девочек была в распоряжении старшей сестры, и младшие были ей только рады.

И всё-таки дети находили различные предлоги забежать к папе. Он им отвечал или что-то рассказывал и категорично выпроваживал.

Как-то Инга стала свидетелем короткой сцены между отцом и Люсей. Проходя мимо кабинета, девочка как бы невзначай толкнула дверь, та возьми и откройся.

– Кто там? Что надо? – слышался голос отца.

– Это я, Людочка, – растерянно произнесла девочка. – Ничего не надо. Просто зашла.

Отец поднял на неё уставшие глаза и, едва заметно улыбнувшись, протянул руку. Люся подбежала к папе. Тот поцеловал её в лоб и коротко сказал:

– Ступай.

Люся выбегала из отцовского кабинета с сияющим лицом, словно выполнила какое-то важное задание.

Инга рассматривала сестру и никак не могла себе объяснить её восторга. Она нуждалась в его понимании. Папа не сходил с уст всех членов семьи – от маленькой Люси до Елены Николаевны. Она и сама стала жить с оглядкой, с вопросом – что скажет папа, а понравится ли папе? Раньше такого не было. Что же с ней происходит? Она себя не узнавала.

* * *

В один из дней Григорий Михайлович задержался на работе. Семья жила обычными домашними заботами. Инга подметила – что-то не то происходит в доме. Она пыталась уга-

дать, что же её насторожило в сегодняшнем вечере? Отца не было, но никто из домочадцев не обмолвился словом. Елена Николаевна только сообщила во время ужина:

– Папа задерживается.

Девушка следила за выражениями лиц детей. После ужина те вернулись к урокам. Ближе к десяти все стали готовиться ко сну. Инге чего-то не хватало, но она не могла понять. Ожидая очереди в ванную, она расположилась в зале и перелистывала журнал. Сосредоточиться не получалось, мысли блуждали по всем домочадцам – она искала ответ. Слух уловил тихие шаги. В приоткрытую дверь в коридор она увидела, как Люся, крадучись, подошла к кабинету отца и, озираясь, заглянула в него. Удостоверившись, что там темно, она быстро закрыла дверь и побежала на кухню.

– Мама, а папа скоро придёт? – девочка прижалась к матери.

– Скоро, – она погладила дочку по голове. – Иди спать. Поздно уже.

Инга вглядывалась в лицо сестры. Маленькая Люся улыбалась, а глаза выдавали задумчивость. Девушку осенила догадка – домочадцы искусно скрывали едва уловимую грусть, даже Люся боролась с нею. Спокойствие матери передалось, но к себе в детскую она уходила притихшая. Инга вспомнила себя в детстве. Она не задумывалась – почему нет папы. Её не расстраивало отсутствие матери в те периоды, когда мама уезжала по делам или отдохнуть, как она объясняла, от «тяжёлой жизни». Её не брала. Значит, она была частью этой «тяжёлой жизни». Инга согнула брови, вспомнив эпизод из далёкого детства. Впервые она осталась на целую неделю одна, когда ей было чуть больше восьми лет. Утром приходила соседка проверить, как она собирается в школу, и вечером – приготовить еду. Тяжёлый вздох вырвался у девушки из груди.

– Что так? – живо поинтересовалась Елена Николаевна, в этот момент возвращавшаяся из комнаты девочек в кухню.

– Не-е, ничего, – всего-то и нашлась ответить Инга. – Пойду купаться.

На её слова из детской раздался смех. Выбежала Люся и восторженно затараторила:

– Мама! Мама! Она идёт купаться. Такая большая, а ещё купается.

– Уже говорила тебе, – со сдержанной улыбкой, Елена Николаевна погладила дочь по голове. – Не хорошо о присутствующих говорить в третьем лице.

– Я что-то не то сказала? – вмиг покрывшись пунцом, переспросила Инга.

– Всё то, – погладив девушку по плечу, успокоила хозяйка. – Это у нас папа с девчатами балуются и подмечают друг за другом... В общем, иди мыться, потом девочки тебе объяснят, – Елена Николаевна решила предоставить возможность детям самим общаться с сестрой. – Я меняла бельё сегодня. Твои вещи справа на полке, – возвращаясь к домашним делам, пояснила она. – Полотенце – белое – твоё.

Снимая с лица макияж, Инга рассеянно осмотрела себя в зеркале и решительно стала под горячий душ. Ещё некоторое время из девчачьей доносился возбуждённый галдёж, но и он вскорости утих. «Ну да, – неожиданно осенила догадка, и она улыбнулась. – Взрослые моются, а дети купаются. Маленькая, а уже язвочка. С ними всё-таки интересно». От нахлынувшего восторга Инге хотелось петь.

Пока она мылась, Елена Николаевна постелила на диване в гостиной. Инга выключила свет и юркнула под одеяло. Укрывшись с головой, она с упоением глубоко вдохнула свежесть постельного белья и потянулась, удобнее устраиваясь. На кухне стукнула кастрюля, девушка неожиданно спохватилась – улеглась, а ни с кем даже не обмолвилась словом. Елена Николаевна тихонько прошла к детям, чтобы посмотреть на девочек и выключить свет в комнате у сына.

– Спать! – отрезала мать на недовольство Матвея.

Когда она возвращалась, Инга тихо сказала:

– Спокойной ночи.

– Спокойной, – шёпотом ответила Елена Николаевна и на Ингину голову мягко легла её рука.

Горькой душевной обидой отдалось в Инге это прикосновение. Она заметила – родители не скупились и часто гладили детей куда удавалось – по руке, голове, спине.

«Ведь это мгновение, а как приятно, когда мамина рука гладит тебя по голове, – терзала себя Инга. – Но почему меня в детстве не гладили?» Как бы она ни пыталась заставить себя отмахнуться и отнести это к родительской навязчивости, но снова и снова ощущала мягкое прикосновение руки Елены Николаевны, и от этого становилось легко и мило. И это мимолётное прикосновение победило – девушка успокоилась и задремала.

Едва подкатывающийся сон прервался коротко пропевшим в коридоре звонком.

– Дети спят? – поинтересовался отец, раздеваясь.

– Спят. Поздно уже, – спокойно отвечала Елена Николаевна. – Завтра в школу. Проходи сразу в кухню.

– Как Люська? – спросил отец, пережёвывая.

Инга улыбнулась – она тоже, когда садилась за стол, брала ломтик горбушки и жевала.

– Уроки все сделала? – продолжал Григорий Михайлович.

– Сделала, – отвечала Елена Николаевна, накрывая на стол.

– Ей ещё год бы дома поиграть. Мне много не клади, – вздохнул отец. – Я с тобой за компанию перекушу. Сбил аппетит, перехватив во время встречи. У Танюши всё в порядке?

– Всё нормально.

– Что Мотя? Не поздно пришёл?

– Нет. Он мужчина уже, – эти слова Елена Николаевна произнесла окрепшим голосом, и Инга представила её глаза, переполняемые гордостью за сына.

– Как Инга?

Инга затаила дыхание, боясь даже моргнуть, она прислушивалась к каждому сказанному слову и с какой интонацией оно произносилось. Сердце забило сильнее. Отец спросил о ней в общем порядке, как будто делал это каждый день.

– Как Инга? – вопросом на вопрос продолжила разговор Елена Николаевна, только в этот раз она перешла на шёпот. – Она взрослая девочка. Ей бы погулять. Что она дома сидит. Сходи с нею куда-нибудь.

– Схожу, – согласился отец. – На выходные.

На кухне умолкли. Инга примерилась к своей жизни. Она любила засидеться с подружками допоздна, а иногда приходила домой под утро. Никто её не встречал. Ужинала тем, что находила в холодильнике, и спать. Нет, конечно, никто не запрещал разогреть еду, но не было настроения. Мама спала и даже не слышала, в котором часу возвращалась дочь. Как-то Инга вернулась домой с зарёй и сидела на кухне, пережёвывая горбушку. Вошла мама, на ходу перевязывая халат, и удивилась: «Чего так рано подорвалась?» Она даже не взглянула на дочь. Поставила чайник и пошла в ванную. Инга тогда ничего не ответила. Ей было обидно до слёз. Дочери не было дома всю ночь, а любимая мама спокойно спала. Сейчас мама плотно позавтракает и отправится на работу. Вспомнит об Инге только к обеду. А если бы я за это время сто раз умерла бы, например? Инга часто проводила подобные аналогии. Она и к отцу решила ехать после очередного прихода домой под утро и сонного мамино: «Ты уже встала?»

В тяжёлых раздумьях Инга забылась. Едва сомкнув глаза, она тут же открыла их. Ей показалось, так и не удалось поспать, но уже брезжил рассвет. Встревожило сон тихое движение по комнате. Мимо прошла Люся и направилась в спальню родителей. Инга поспешила за девочкой, чтобы вернуть её в постель, решив, ребёнок спросонья заблудился. В приоткрытую дверь она увидела, как отец приподнялся.

– Люсенька, ты чего, доча?

– Папа, я пришла посмотреть, ты есть или нет.

– Боже ты мой, – отец, прихватив одной рукой дочку, закрутил её к ним с Еленой Николаевной в кровать. – Куда же я мог деться? Ну, полежи с нами.

У Инги едва не оторвалось сердце. Она была поражена тому, как эта девочка, её родная сестра, всю ночь спала с тревогой, ожидая папу. И вот дождалась. Её маленький, ещё крепкий организм в состоянии выспаться за пару часов, когда рядом папа и мама. Она уснула крепким, спокойным детским сном. Инга вернулась в постель и больше не сомкнула глаз.

Что же это такое «папа»? Этот вопрос мучил её всю жизнь. Он ещё сильнее мучил каждую минуту жизни в этой семье. Она не понимала всего, что происходит, и не находила сразу объяснения. Ей было это чуждо, но она чувствовала, – эта чуждость искусственная, воспитанная, может быть, не насильно, но и не основательно, и потому разваливалась каждодневно. В очередной раз она стала свидетелем, как маленькая Люся всю ночь спала на полусознании, ожидая, когда вернётся папа. Организм не выдержал и уснул, но это был сон тревожный, потому что едва стало возможно, он проснулся и поднялся, чтобы пойти и удостовериться – пришёл папа или нет.

Что же такое папа? Этот вопрос с силой бил в виски. Инга ворочалась в постели и тяжело вздыхала. Только на мгновение сон одолел её измученное сознание, и всё выстроилось в истину. Папа – это когда он всегда рядом, даже если его нет, но он всё равно рядом. Он везде. Он с тобой. Ты всегда находишься под его заботливым крылом. Папа – это как энергия. Мама – всё для ребёнка. В этом Инга не сомневалась. Сейчас она видела – папа – это как воздух. Отними у этих детей воздух, и они завянут. Нет, они будут жить, но эта жизнь будет хилой и безыммунной. А у неё, у Инги, жизнь иммунная? Крепкая? Она выучилась, самостоятельный человек и всё равно поехала к отцу. Он не звал, не искал, а она бросила всё и поехала. У неё есть убедительное объяснение своему поступку – она хотела показать, – и без него обошлась. Это ли единственная причина? И обошлась ли?

В семье отца ей становилось уютно.

* * *

В субботний день семья собралась на обед. Инга поймала себя на мысли, уже привычно занимает отведённое для неё место. Как всегда Люся делилась впечатлениями от нового мультика, вперемешку рассказывая и о новой игре, которую придумали мальчишки во дворе. Все слушали и молча ели.

– Папина самая любимая, – отец погладил Люсю по голове.

Инга украдкой обвела всех взглядом, но никого не смутили слова отца. Даже Таня не обратила внимания на адресованную любовь только Люсе. «Почему же меня эти слова задели? – саму себя засыпала вопросами Инга. – Так просто взял и сказал, – одна дочка самая любимая. Значит, другая не любимая? Или не самая любимая? А сын, любимый? Почему же никто из детей не обиделся? А меня почему задели слова отца?» Её глаза вмиг наполнились слезами. Инга склонила голову и невидящим взглядом уставилась в тарелку. Прервал её тяжёлые мысли голос Тани.

– Чего на меня смотришь?

– Любуюсь тобою, – ответил отец.

– Ты всегда так говоришь, – без смущения парировала Таня.

– А мной! – воскликнула Люся.

– И тобой.

Инга слышала ликование в голосе отца, и ей показалось, он специально так себя ведёт, чтобы лично ей досадить. Комок горькой обиды перехватил горло. Она едва сдерживала себя, чтобы не разрыдаться или не заорать в истерике.

– Лучше мамой любуйся, – опять невозмутимо посоветовала Таня.

– И мамой любуюсь, – ответил отец и посмотрел на Елену Николаевну.

– А Ингой? – неожиданно для Инги спросила Люся.

Инга замерла, ожидая отцовского ответа.

– И Ингой люблюсь, – не замедлил отцовский ответ.

Это уже было слишком для неё. Она рванулась из-за стола, опрокинув стул.

– Не надо! – в истерике вырвалось у неё и, задыхаясь от слёз, Инга выбежала из комнаты.

Сидящие за столом замерли. Только отец продолжал есть как ни в чём не бывало, но по тому, с какой силой Григорий Михайлович пережёвывал пищу, можно было догадаться – глава семьи нервничает.

– Ешьте, – тихо призвала детей Елена Николаевна.

Неожиданно вскочила Люся. Она собралась удалиться, но отец осадил её строгим, вопрошающим взглядом. Девочка на мгновение замешкалась, но быстро нашлась и скороговоркой проговорила:

– Я там забыла кое-что... – она пристально посмотрела на папу, не решаясь так просто выйти из-за стола.

Взгляд отца потеплел, обозначились у глаз стрелки едва заметной улыбки.

– Хорошо, иди, – согласился он, нервно дёрнув бровями.

Маленькая Люся торопливо выбежала из комнаты.

– Гриша, ты помягче с ней, – проговорила Елена Николаевна.

Григорий Михайлович долгим взглядом посмотрел на жену. Они понимали друг друга с полуслова, и он вместо ответа тяжело вздохнул. Семья продолжила обед.

Люся бегом спешила в комнату, но входила тихо и едва дыша.

– Я тут забыла... – начала она, глядя в спину старшей сестры, стоящей у окна, но та не шелохнулась, и девочка запнулась. Инга вытирала слёзы с лица, а те текли и текли ручьями. Платок насквозь промок, она вытирала их ладонями, но ладони тоже были мокрыми. Затаённое дыхание прерывалось приступом всхлипывания, и тогда слёзы лились ещё сильнее. Совсем не кстати был для неё приход этой малявки, но она и нуждалась в чьём-то присутствии. Люся подошла и прильнула к сестре. Инга не решалась обнять девочку. Её стало колотить от нахлынувшего волнения. Неожиданно захотелось схватить этого маленького человечка и прижать к себе как родную, близкую, самую дорогую сестру на всём белом свете. Трясущуюся руку она опустила на голову девочки и погладила. Люся мгновенно обхватила старшую сестру обеими руками и разрыдалась:

– Ты наша! Наша! Наша!

* * *

Они шли с отцом по бульвару. Инга собиралась о многом поговорить, но даже на маленький вопрос не хватало духу. Ей хотелось взять отца под руку, но на это тоже не доставало решительности. Инге было стыдно за выходку во время обеда.

– Извини за обед, – тихо сказала она, но отец не ответил. Он только наклонил её голову и поцеловал в лоб.

«И всё прошло, – с облегчением вздохнув, отметила про себя Инга. – Как будто ничего и не было. Так просто. Папа поцеловал в лоб, и всё прощено. И о чём после этого можно говорить?» И они снова пошли молча.

– Давай я пойду с этой стороны, – предложила она, видя, как отцу приходится уворачиваться от встречного потока. – А то они тебя совсем затолкают.

– Не затолкают, – улыбнулся отец, пропуская очередного прохожего невежу. – Место женщины справа от мужчины.

– Место женщины, – перекинула Инга отца.

– Ну да, – не обращая внимания на иронию дочери, подтвердил тот. – В Англии слева, у нас справа.

– Почему в Англии слева? – не поняв, удивилась, Инга.

– У них же левостороннее движение?

– И что?

– Мужчина должен идти со стороны встречного движения. Женщине же комфортнее идти справа, чтобы её не затолкали.

– А галантность? Где ваша мужская галантность? – с этими словами Инга стала слева от него. Григорий Михайлович только в сторону улыбнулся и продолжил путь.

– Ой! Мой палец! Куда летишь?! – скривилась от боли Инга.

– Да пошла ты! – ругнулся уже издали спешащий куда– то парень.

Едва сдерживая смех, отец обошёл дочь и, придерживая за талию, они устроились в своём потоке. Инга слегка прихрамывала, и ей было очень обидно.

– Заступить за даму у вас принято? – огрызнулась она, а отец в ответ только рассмеялся.

– Я же начал с того, что заступился. Сразу поставил тебя справа от себя. Ты решила поступить по-своему. Ещё и не довольна.

– Ты всегда такой? – после паузы поинтересовалась Инга. Отец только посмотрел смеющимися глазами. – С мамой ты тоже был таким? – неожиданно вырвалось у неё.

– Ты же на собственном пальце, – отец указал всё тем же улыбающимся взглядом на ногу Инги, – убедилась, что я прав. Зачем же мне меняться?

Снова замолчали. Что на это скажешь? Боль в пальце проходила. И идти справа от отца было удобнее. Инга следила украдкой за отцом, и ей стало его немного жалко, а он, как будто ничего и не происходило, спокойно отмахивался от различных хамов, оберегая её от них. Она вздохнула. Скорее признавая своё согласие с тем, что отец снова был прав.

– Все ещё болит?

– Нет. Уже прошло.

– Почему так тяжело вздыхаешь?

– Устала ходить, – соврала Инга и внимательно посмотрела на отца. «Надо же, какой внимательный. Думала, он занят только прохожими, а он услышал, как я вздохнула».

– Свернём на том перекрёстке, тут есть одно кафе приличное. Там и посидим. Отдохнём.

Григорий Михайлович пил кофе. Инга задумчиво водила ложкой в чашке с чаем, вдыхая ароматный фруктовый парок. Нагромождения мыслей не давали сосредоточиться. Она мечтала остаться один на один с отцом, чтобы поговорить, а разговор не завязывался. Увиденное за эти несколько дней поставило кучу новых вопросов. Они роились, затмевая вопросы всей жизни. Она собирала их с самого детства и копила, чтобы когда-нибудь выплеснуть предателю-отцу. Вот он, сидит и пьёт, как ни в чём не бывало, кофе. И что? Инга пристально посмотрела в глаза отца. Он спокойно принял её вызов. Они молча смотрели друг на друга – она тревожными, наполненными решимости и одновременно боязни, а он мягким взглядом улыбающихся стрелками глаз. Инга видела, как отец «заговорил» с нею, но она не понимала.

– Ты был всегда мне нужен, – неожиданно вырвалось у неё.

Инга ещё что-то хотела сказать, но поперхнулась от внезапной обиды. Она старалась не моргать и даже подняла выше голову, но всё равно слёзы предательски набухали и полились через край.

– Я знаю, – тихо проговорил Григорий Михайлович, отворачиваясь, чтобы не видеть дочериних слёз.

Инга не расслышала и, переведя дыхание, продолжила:

– Почему вы расстались? Ведь ты же любил её? – Инга вытирала глаза, а слёзы затмевали всё вокруг.

– Односторонняя любовь может быть только к работе, – задумчиво произнёс отец и после паузы повторил: – Я знаю, что был нужен.

– Что ты можешь знать?! – едва удерживая рыдания, выпалила дочь.

Слёзы слетали огромными каплями, и она, вытирая их с глаз, со стола, беспомощно улыбаясь. Да, она слабая девочка, ребёнок своего отца. И не важно, что она собиралась быть сильной. Собираться – это ещё не быть!

– По детям вижу, – неопределённо ответил отец.

– У разных детей по-разному, – с тоской вырвалось у Инги из груди.

– По-разному-то по-разному, а отец – всегда одинаково – нужен. Это потом, когда повзрослеете – по-разному вам становятся нужны родители... Ладно об этом. Ты мне скажи, ты довольна поездкой.

– Какой поездкой? – не поняла Инга.

– К нам. Ты же на разведку приехала?

– Наговорить хотелось, всего, что надумала за все эти годы.

– Чего же не наговорила?

– Повзрослела... что ли.

Инга не знала, что ещё сказать. За эти несколько дней, проведённых в семье отца, в её голове всё перевернулось. Она страдала от своей сиротливости до самого порога дома отца. Потом быстро втянулась в новый для неё ритм, казалось, чужой семьи. У неё даже появились сёстры и брат, о которых она мечтала, но спокойствия не наступило. Сейчас она жила с тяжестью в сердце за мать. Ей было жалко маму. Она ненавидела благополучного отца и также ненавидела мать. Она ненавидела той ненавистью любящей дочери, которая готова разорваться на две половинки ради счастья родителей, но...

– Как же теперь с этим жить? – Инга обхватила руки отца.

Григорий Михайлович не ответил, он чувствовал, дочери надо выговориться.

– Я всё равно немного счастлива, – прошептала дочь.

– Счастья не бывает много, – Григорий Михайлович задумчиво глядел в окно.

– Ты не оправдываешься и не спешишь доказывать обратное, – Инга положила голову отцу на руки.

– В чём оправдываться и что доказывать? – усмехнулся с горечью в голосе отец. – Идёт жизнь. Для нас всех она такая. У других – другая, – Григорий Михайлович выдержал паузу и неожиданно сказал: – Потом, это тебе надо доказывать...

– Мне? – раздражаясь, выпалила Инга и едва не наговорила в этот раз всё, что собиралась многие годы, но отец опередил:

– Да, милая! Мне не надо доказывать, что я отец. Это ты должна доказать, что ты дочь! – Григорий Михайлович тяжело вздохнул и закончил: – Достойная дочь.

Своими словами отец словно развязал узел, и весь бисер высыпался в траву. У Инги на душе неожиданно полегчало, и всё стало прозрачно. Для её понимания то, что сказал отец, было из ряда вон, но именно это расставило всё по полочкам. Определило её место, указало дорогу по жизни. Дочь уткнулась отцу в плечо и заплакала. Заплакала тихими слезами. Отец молча пил кофе и смотрел в окно, не мешая дочери разобраться в себе.

– Вчера у мамы был день рождения, – немного успокоившись, задумчиво произнесла она. – А я забыла.

– Поздравь сегодня, – равнодушно предложил отец.

– Я собиралась к нему вернуться, – дочери было тяжело, и Григорий Михайлович молчаливо участвовал в её настроении. – А ты помнишь, когда у мамы день рождения? – Инга изучающе посмотрела на отца.

– Помню, тридцать первого мая, – быстро ответил тот, и на дочь уставились лукаво искрящиеся глаза.

– Врун, – возбуждённо выпалила дочь. – Если бы я не сказала, вспомнил бы ты! А как зовут её? – неожиданно вырвалось у Инги.

– Ну, да, – с возрастающей весёлостью подтвердил отец. – Помню.

Инга видела, как отца словно подменили, перед ней сидел уже не взрослый мужчина, отец семейства, а мальчишка-озорник, нашкодивший и теперь старающийся скрыть свою проказу. Она увидела во взгляде отца неправду, и от этого защемило в носу. Инге стало обидно за маму, она мгновенно возненавидела отца: «Неужели он и правда не помнит её дня рождения? Бедная мама. Как она могла любить такого человека? – зароились мысли у девушки в голове. – Он даже не помнит её имени!»

– Ладно, – дружелюбно заговорил отец. – Сдаюсь, не помню.

– Виктория Викторовна, – одними губами проговорила Инга и задумчиво добавила: – Ты называл её «Моя любимая Победка».

– Почему? – Григорий Михайлович не смог скрыть удивления, но тут же закивал головой. – Ах, да-да, Виктория, это же победа. Да, мог называть Победка. Да, Победку помню!

– Победку помню, – передразнила дочь отца. – Мне иногда кажется, она тебя до сих пор любит. – Инга укоризненно покачала головой.

От подступившей горечи и обиды за маму эмоции бурлили и перехлёстывали, но неожиданно, откуда-то из неизвестного, потайного уголка сознания выскочило: «И это мой папка?» Слово «папка» прозвучало как-то странно. Его наполнение взбудоражило девушку. Она ощутила его вкус и с интересом уставилась на отца, рассматривая каждую морщинку на лице, каждую черточку. Это простое слово «папка», смело все эмоции и запульсировало в висках: «папка», «мой папка», «папка», «мой папка». И на душе стало покойно и даже светло, и на окружающий мир она посмотрела смелее.

– А когда день рождения у Елены Николаевны, тоже не помнишь?

– Помню, – голос отца прозвучал уверенно. – Двадцать пятого сентября.

– А год? – Инга изучающе смотрела на его лицо.

– Пятьдесят девятый, – не моргнув, отчеканил он.

– Идём домой, – дочь заторопилась.

С прогулки возвращались быстро. Инга словно подгоняла, но и отец шёл широким шагом. Всю дорогу он смотрел на красивый затылок дочери и любовался. Несмотря ни на что он был счастлив. Все эти годы он ждал дочь, он знал – она приедет. Он так и говорил себе: «Если это моя дочь, она приедет, а нет, так на нет и суда нет».

– Елена Николаевна! – позвала Инга с порога.

– Вернулись? – хозяйка вышла им навстречу. – Ужин готовлю. Через полчаса будем кушать.

– Когда у вас день рождения?

– Четырнадцатого апреля сорок восьмого года, – мать догадалась, в чём смысл такого вопроса, и махнула рукой в сторону супруга. – Григорий Михайлович никогда не помнил, когда у меня день рождения.

– Перепутал, – отец смешно развёл руками. – Зато с годом почти угадал.

– Почти угадал, – дочь укоризненно покачала головой.

– С этими годами рождения он нас впутал в такие неприятности на французской границе, – стала рассказывать уже из кухни Елена Николаевна и, когда Инга вошла, продолжила: – Всей семьёй поехали на машине в Германию, а там решили день провести в Страсбурге.

– Мама, а когда это было? – услышав шум, прибежала Люся.

– Ты ещё не родилась.

– А Танька? – не унималась дочь.

– Тане было два года.

– Ух-ты! – воскликнула девочка и устроилась у папы на руках, который, улыбаясь, слушал супругу, готовый в любой момент дополнить.

– Таможенный контроль в Страсбурге прямо в черте города, – шинкуя капусту, Елена Николаевна поглядывала в сторону мужа. – Таможенник посмотрел паспорта и указал, надо,

мол, подойти в офис зарегистрироваться. Григорий Михайлович наши документы оставил, а взял только свои.

– Я думал, – поддержал рассказ Григорий Михайлович, – если он посмотрел, этого и хватит. Заходим. Он записал мои данные и просит документы других. Я говорю, лень в машину возвращаться, а что надо, я продиктую. Он спрашивает – имя жены и дата рождения. Я называю. Записал, вернул паспорт, и я собирался уйти, но тут заходит его коллега, женщина таможенница, и говорит, нет, надо документы. Пришлось идти за паспортом Елена Николаевна.

– Григорий Михайлович прибежал, – продолжила супруга. – Говорит, всё, только тебя запишут и едем. Ждём его, ждём, а он всё не выходит и не выходит. Уже тридцать минут прошло, час. Таня маленькая, капризничает. Уже я выхожу из машины и иду его искать, а мне таможенница так мило улыбается и показывает на машину, мол, сидите в машине. Опять ждём. Волнуюсь, что там произошло? Где наш папка? Тут приезжает какая-то машина, из неё выходят несколько человек в форме и к нам. Всё и завертелось. Детей отобрали. Что говорят, я не понимаю. У меня началась истерика. Меня просят пройти в отдельную комнату, а там уже переводчик и давай допрашивать. Понять ничего не могу, но отвечаю. Каким одеколоном пользуется муж, какой зубной пастой, каким бритвенным прибором, и пошло-поехало.

– А меня в другой комнате больше часа, точно так же допрашивают: какие духи у жены, какая помада, в каком магазине она покупает вещи? – весело заговорил Григорий Михайлович. – Откуда я знаю в каком? Говорю я и не знаю, а зачем ей ходить по магазинам? Я всё сам покупаю. Женщина таможенница, как это услышала, широко раскрыла глаза: «Этого не может быть!» говорит. Для их женщин – это нонсенс. И снова меня допрашивать.

– Ага, я помню, – входя на кухню, присоединился к беседе Матвей. – Нас с Таней завели в комнату. Я держу её на руках, а она смеётся. Две женщины наблюдали за каждым нашим движением. Иногда одна из них спрашивала: «Эта девочка кто тебе?» Сестра, отвечаю. «А как её имя?» Таня, отвечаю. Таню спрашивают: «Кто этот мальчик?» А она говорит: «Мотя». Женщины переглядываются и снова спрашивают: «Как его имя?» Она снова отвечает: «Мотя». Тогда меня спрашивают: «Мальчик, как твоё имя?» Называю – Матвей.

– В общем, пять часов нас допрашивали перекрёстно, – вздохнула Елена Николаевна.

– Как всё обошлось? – Инга слушала с интересом.

– Обошлось, – Елена Николаевна горящими глазами посмотрела на мужа. – Если бы наш папа не перепутал мою дату рождения, то и не начиналось бы.

– Зато в каком прекрасном приключении поучаствовали! – весело продекламировал Григорий Михайлович. – Да, доча?

– Да, папа, – отозвалась Люся.

– Как всё-таки выкрутились? – не понимала Инга.

– Как всегда, на моих уникальных способностях, – воскликнул весело отец.

– Григорий Михайлович сразил их своей наблюдательностью и глазомером, – заулыбалась Елена Николаевна. – Он назвал все наши размеры, а потом стал называть размеры одежды таможенников. Называет размеры талий таможенниц. Те обижаются, а их мужики смеются. В общем, превратил всё в балаган, – Елена Николаевна махнула рукой. – В итоге отпустили нас. Только Страсбурга мы не увидели, поздно было уже.

– Это как ты сделал? – не поверила Инга.

– Просто, – отец оценивающе окинул взглядом дочь. – Я могу с точностью назвать все твои размеры. Хочешь, поспорим?

– Инга, не спорь, – вмешалась Люся. – Проиграешь.

– Как это? – Ингу заинтриговало заявление отца, и она в уме прикидывала – шутит или правду говорит. – Давай.

– Не спорь, не спорь, – призвала прибежавшая на кухню Таня. – Проиграешь.

– Спорим. Вдруг выиграешь, – подначивал отец. – Давай на пять размеров поспорим.

– Спорим, – с вызовом согласилась Инга, ища поддержки у Елена Николаевны, но та никак не участвовала в назревающем споре, только улыбалась, продолжая заниматься приготовлением ужина.

– Начнём! – скомандовал отец, обедя всех детей серьёзным взглядом, чем вызвал общее веселье, а Люсенька захлопала от восторга в ладоши.

– Папа, можно я что-то тебе скажу на ухо, – вызвалась она.

– Давай, только быстро, – разрешил отец.

– Поддайся, – Люся прошептала так, что услышали все.

– Никаких поддавок, – отрезал отец. – Приступим. Рост – метр шестьдесят девять.

– Это не сложно догадаться, – отмахнулась Инга.

– Правильно, правильно, – захлопала в ладоши Люся.

– Объём головы! – снова торжественно объявил отец: – Пятьдесят четыре сантиметра.

– Не знаю, – пожала плечами Инга, она не ожидала услышать размер головы.

– Танюша! – скомандовал отец. – Неси сантиметр.

Измерение объёма головы превратили в кутерьму. Все из детей брали сантиметр и измеряли голову старшей сестры, и у каждого получалась другая цифра. Наконец и Елена Николаевна взялась за сантиметр.

– Пятьдесят четыре, – сообщила она и передала сантиметр Инге.

Дети ждали окончательного вердикта, пока Инга сама обхватывала сантиметром свою голову. Девушка взглянула на цифру. Ей оставалось только покачать головой.

– Ура! – закричала Люся.

– Дальше, – сообщил отец. – Длина локтевой кости – двадцать семь сантиметров, а объём талии – пятьдесят восемь, нет, пятьдесят семь сантиметров, а объём груди восемьдесят девять. Об объёме бёдер говорим?

– Ошибся с объёмом груди, – ликовала Инга. – Всегда был – восемьдесят восемь.

– Измеряй! – улыбаясь, отец протянул сантиметр. – Заодно измерьте объём бёдер. Я утверждаю – это сорок шестой размер, значит – это будет девяносто два, – я оставляю вас на короткое время, уже в дверях добавил: – Длина указательного пальца и среднего – первый без трех миллиметров десять сантиметров, а другой десять сантиметров и пять миллиметров.

Дети ждали, когда сестра начнёт измерения, но Инга медлила.

– Помочь? – предложила Елена Николаевна. – А то наши не отпустят, пока не удостоверятся.

– Всё правильно, – сдалась Инга. – Но как?

– Папа же классный архитектор! – с гордостью сообщил Матвей.

– С объёмом груди всё-таки ошибся, – посетовала Таня.

– Танька, молчи, – осадила сестру Люся. – Подумаешь, на сантиметр, правда, мама?

– Не ошибся, – Инга таинственно взглянула на Елену Николаевну. – Иногда становится на сантиметр больше.

– Это когда? – удивилась Таня.

– Вырастишь, узнаешь. Идите, укладывайте учебники в портфели, – выпроводила мать дочерей. – Сейчас будем ужинать.

* * *

В кухне собрались быстро. Все одновременно вышли из своих комнат и уселись по местам. Пока ждали отца, возбуждённо обсуждали спор. Отец пришёл последним, и ужин начался. Инге не хотелось есть, и она ковыряла вилкой в тарелке. Семья не обращала внимания на настроение старшей сестры.

– У тебя всё в порядке? – спросил отец.

Инге не хотелось отвечать на безадресный вопрос, но никто из членов семьи не отозвался. Не выдержала только Люся. Она потихоньку тронула старшую сестру за локоть и, состроив серьёзную мину, ладошкой показала – мол, тебя спрашивают – отвечай. Физиономия сестры рассмешила Ингу.

– Всё в порядке. Есть не хочется, – тихо ответила она, едва сдерживая улыбку.

– Может же человек погрустить? – тут же поддержала Люся и, глядя на сестру, добавила: – Правда? Папа всегда говорит: постоянно улыбаться, – не хорошо.

Инга покачала головой. На этом внимание на её персоне закончилось.

– Люся, ты получила сегодня оценку? Тебя спрашивали? – отец смотрел на дочь и улыбался одними глазами. Инга опять увидела стрелки у глаз. Мама была права, они очень красивые и, когда отец улыбался, украшали его, подчёркивая тонкие черты на мужественном лице.

– Да, – отмахнулась рукой Люся, состроив серьёзную физиономию. – Две – по математике и русскому, и одну четвёрку – по рисованию.

Отец поймал взгляд супруги.

– Всё? – спросил он как бы между прочим, цепляя картошку вилкой.

Люся не спешила отвечать, ища поддержки у матери, но Елена Николаевна встала из-за стола и засуетилась у плиты. Девочка медлила, не зная, что ответить.

– Папа, – выпалила Таня. – Люська ещё тройку получила за контрольную.

– Молчи, Танька! Я сама, – обиделась Люся.

Отец смотрел на дочь, и опять его глаза улыбались. Инга ждала, что же он скажет? Но Григорий Михайлович дождался, когда вернётся к столу супруга, и ей адресовал:

– Учительница ходит на работу?

– Ходит, – вздохнула Елена Николаевна.

– Чем они там занимаются на уроках, если ребёнок тройки приносит? – вспыхнул раздражением Григорий Михайлович.

– А по рисованию почему четвёрка? – прожевав, он снова заговорил с женой.

– Не знаю, – Елена Николаевна покачала головой. – Рисунок хороший. За что снижать оценку, ума не приложу? Первый класс! Ты бы видел эту учительницу по рисованию. Ей бы самой ещё оценки ставить.

– Доча, принеси. Посмотрим, что ты там нарисовала, – отец излучал самую любовь к дочери, и, довольная, Люся побежала за альбомом.

Рассматривая рисунки, отец как-то зло искрнул взглядом и отложил альбом в сторону:

– Молодец. Очень хороший рисунок.

Люсино лицо озарилось счастливой улыбкой – оценка папы куда выше учительской, но отец уже переключил внимание к другой дочери.

– А что у тебя, Танюша?

– Одна пятёрка за стихотворение и пятёрка за контрольную.

– Папа гордится тобой.

Слова отца никто из детей не воспринял враждебно или ревностно. Инга с любопытством наблюдала за всеми семейными сценами и никак не могла понять, почему в детях не проявляется ревность, которая была нормой в её прежней жизни среди детей маминых знакомых.

– Мотя, а ты чего молчишь?

– У меня всё нормально, пап, – восторженно объявил Матвей, но никто не поддержал весёлости брата. Промолчал и Григорий Михайлович.

– Ну и ладно, – неожиданно подвёл итог отец, а мать потрепала сына по волосам. – Потом разберёмся, – тихо закончил глава семейства, и тут уже мать с сыном переглянулись.

– Классная звонила, – после некоторой паузы добавил Григорий Михайлович.

Сообщённое главой семейством расстроило Елену Николаевну, и, чтобы скрыть своё настроение, она стала собирать использованную посуду. Наступила тишина, даже Люся прекратила болтать ногой.

– Была я у неё, – складывая тарелки в мойку, сообщила мать.

– Да ладно, па! – вспыхнул Матвей. – Сам разберись! – он хотел выйти из-за стола, но отец не позволил:

– Я не закончил.

– А что она пристала ко мне?! – нервно выкрикивал Матвей. – Родной отец! Биологический отец! Этот воспитывал, значит, он родной, а тот не воспитывал, значит, он никто. Я сам решу! И вообще, – Матвей снова подскочил и в этот раз зло уставился на Ингу, – чего она к нам приехала! Езжай к своему настоящему отцу! А мы тут и с нашим биологическим отцом живём хорошо! Оставьте все меня в покое, – Матвей откинул ногами стул и убежал к себе в комнату.

На кухне воцарилось зловещее молчание. Григорий Михайлович и Елена Николаевна отчуждённо смотрели в окно, а Инга с Таней сидели, понуриив головы. Только Люся, ничего не понимая, вертела головой с полными слёз глазами, и не находила к кому прильнуть. Наконец она тоже спрыгнула со стула и, громко рыдая, убежала в свою комнату.

– Что там произошло? – тихо заговорил отец. – Хотя и так ясно... – и он тяжело вздохнул.

– Матвей похвалился учительнице, что приехала в гости их старшая сестра, – начала Елена Николаевна. – Учительница возьми и скажи: какая она вам сестра, она чужой для вас человек. Матвей вспыхнул и говорит ей, мол, мой папа это и её папа, а та в ответ – какой он ей папа, у неё есть настоящий папа, тот, кто её воспитывал, а твой так – всего лишь биологический, – Елена Николаевна тяжело, на одном дыхании проговорила и, когда замолчала, тяжело задышала.

– А что Матвей? – Григорий Михайлович нервным движением обтёр лицо рукой.

– Он ей говорит: а ваш где настоящий муж или вы всё биологическими промышляете? Та его и выставила из класса, а потом побежала мне звонить.

– Это что за ерунда? – глава семьи едва удержался, чтобы не рассмеяться.

– Вот такая и ерунда, – с иронией в голосе заговорила Елена Николаевна. – Никак не может устроить личную жизнь. Дети же всё видят, подмечают. То один повстречает-повстречает с работы и пропадает, затем другой появится и тоже ненадолго. Матвей и нажал...

Больше Григорий Михайлович не сдерживал себя, а смачно рассмеялся, чем вызвал смех у Инги и Елены Николаевны, даже Таня, глядя на изменившееся настроение папы, развеселилась.

– Матвей! Сынок! – сквозь смех позвал отец. – Иди, Танюша, позови брата. Люся! Иди к нам, доча!

Семья снова собралась за столом. Отец выдержал паузу и заговорил ровным голосом, словно ничего не произошло.

– Матвей, сынок, ты мужчина и должен уметь сдерживаться, а главное, не позволять себе обижать женщину, даже если по жизни ей суждено идти дурой. Мы договорились с тобой?

– Договорились, – пробурчал Матвей.

– Это, во-первых, – весело сказал отец. – Теперь о главном. Некоторые безответственные люди, назову их так, а таковых становится всё больше и больше, пытаются свою собачью жизнь оправдать такими понятиями, как биологический отец или мать, настоящий отец или мать. Это очень удобная позиция – нагулял дитя, подкинул на воспитание чужим людям и умыл руки – мол, я биологический родитель, а всю ответственность пусть несёт тот, кто воспитывал, мол, он и есть настоящий. Гнусность их философии состоит в том, что они пытаются всему обществу насадить эту мерзость как норму, объясняя тем, что жизнь изменилась и тому подобное; – Григорий Михайлович сделал паузу и твёрдым голосом продолжил: – Дети! Ничего в жизни не изменилось. Отец и мать у человека одни на всю жизнь – это те люди, можно тут согласиться

с этими прохиндеями, биологические родители, которые произвели дитя на свет и дали ему жизнь. Нет и не может быть у человека других родителей, кроме биологических.

– Значит, – неуверенно заговорил Матвей, – тот, кто воспитывает человека всю жизнь, тоже может претендовать на отцовство?

– Тот, кто воспитывает, так и останется воспитателем, – устало парировал отец. – Тебя в школе воспитывает классная. Ты же не называешь её мамой?

– Вот ещё! – зло буркнул сын.

– Родственную связь, какие бы жизненные обстоятельства ни растягивали временем, расстоянием, – продолжил говорить отец, – пытаясь отдалить людей друг от друга, превращая эту связь в едва видимую нить, а то и вообще невидимую – разорвать невозможно – это вечная связь. В то же время связь между воспитателем и воспитуемым, какой бы она ни была толстой, пусть даже километр в диаметре, а рвётся, едва стукни по ней.

– Правильно, папа, – неожиданно выпалила сидевшая смирно Люся, и от её звонкого голоса все рассмеялись. – Ничего смешного не вижу, – обиделась девочка.

– Конечно, ничего смешного, – поддержал дочь отец.

– Вон, тётя Вера, – вооружившись отцовской поддержкой, подхватила Таня. – Вышла замуж за своего отчима...

– Так, – одним махом решила прекратить разговор Елена Николаевна. – Всем заниматься уроками. А то мы сейчас договоримся.

– Папа, ну это же правда? – заупрямилась та. – Мама её умерла, и тётя Вера стала женой отчима. Разве родной папа может жениться на дочке?

– Ходил по двору, рассказывал: я её люблю как родную, я её воспитывал с рождения, – поддержал сестру Матвей. – А тётя Люда умерла, он и женился...

– Тётя Вера женилась на своём папе? – от изумления у Люси расширились глаза.

– Он её отчим, – упрямо произнёс Матвей. – Значит, чужой дядя. И не женилась, а вышла замуж.

– Кому сказала, хватит! Быстро по комнатам и делать уроки, – прикрикнула мать, укоризненно покачивая головой и с улыбкой взглянув на мужа.

– Это же уже другой человек, – не мог успокоиться Матвей. – Его воспитывали чужие люди...

– При рождении, – отец поднял на сына сияющие глаза, – дитя наследует от родителей веру предков. От матери – с молоком; от отца – с генами. Изменив кровным родителям, человек продаёт веру предков. Помнишь, сына, как говорила наша бабушка? Что бы ни случилось – главное, веру свою не продайте, – Григорий Михайлович изучающе посмотрел на сына и с расстановкой вывел: – В том и загадка родственной природы, сынок. – Воспитатель может всю жизнь воспитывать, но не даст того, что родной отец даст за неделю, а может, и за пару дней. Да дня хватит! – И с этими словами отец подмигнул Инге.

– Бр-р-р, – маленькую Люсю потрясли слова отца. Она смотрела на папу широко раскрытыми глазами и затряслась от обуревающего восторга. – Какая сила! Мама! – Люся побежала в комнату. – Ты слышала, какая сила?

– Пра-авда?! – воскликнул Матвей и устремил изучающий взгляд на старшую сестру.

От слов отца Инга вздрогнула. Она чувствовала, как покраснела от пяток до макушки, как будто только что заглянули ей внутрь и изобличили в чём-то очень личном. Лицо её вспыхнуло и горело. Для неё и самой простота, с которой отец объяснил всё происходящее с нею за последние дни, стало откровением. Слова отца попали в самую точку. Ведь он прав. Прошло-то несколько дней, а она уже не та Инга, которая сошла с поезда в этом городе. Как же ей теперь возвращаться? Как она теперь будет жить с мамой? Ведь мама заметит произошедшие с дочерью перемены. Это станет для неё ударом, тяжелее предательства. Девушка не находила места глазам, бегая по утвари.

– Это правда! – повторил брат, переходя на ор.

Не зная почему, но, испытывая какую-то незнакомую для неё вину, Инга подняла на брата глаза. Она увидела во взгляде мальчишки, – он разгадал, что с нею сейчас происходит. Инга ничего не смогла ответить пересохшими губами, язык словно прилип к нёбу, и только растерянно кивнула, втягивая голову в плечи. Матвей и без того верил отцу, но то, что сказал тот о неделе и даже о двух днях, выглядело фантастическим. Брат ожидал увидеть, как сестра с лёгкостью соврёт, из чувства солидарности между взрослыми, и поддержит отца, но то, что он увидел, что с нею произошло, поразило его. Матвей растерялся, ему стало невыносимо жалко сестру.

– Ух ты! – воскликнула Люся, не найдя детских слов.

– Всё! – прикрикнула из гостиной мать. – Матвей! Оставь папу в покое. По комнатам.

– Матвей, – позвал отец сына, собирающегося выйти, и долгим взглядом посмотрел на того.

– Хорошо, пап, – подросток, переминаясь с ноги на ногу, подошёл к Инге и протянул руку: – Извини.

Инга обеими руками приняла руку брата и готова была расцеловать её от переполнявших её эмоций. Ей хотелось крикнуть: «Ну какое может быть извини? Мы же родные!» Но Матвей отстранился. Его что-то ещё волновало, он всё-таки решил не откладывать:

– А из чувства благодарности?

– У благодарности, – принял вызов отец, но взгляд его стал жёстким и губы вытянулись в одну линию, – есть прекрасная золотая монета для оплаты – эта монета называется – спасибо. Ступай, – выпроводил сына отец.

В кухне остались Инга с отцом. Они молчали, погружённые каждый в свои думы. Неожиданно Григорий Михайлович засобирался.

– Я должна с тобой поговорить, – спохватилась Инга.

– Только не сейчас, – опуская руку на голову дочери, Григорий Михайлович осторожно погладил. – Успеется.

После такого бурного ужина вечер заканчивался молчаливо. Лёжа в постели, Инга долго ещё слышала, как родители переговаривались.

* * *

Утром Елена Николаевна ушла на работу. У неё был приём в поликлинике, а потом заступала на сутки в стационар. По дороге она должна была завести Люсю в школу. Таня делала уроки. Мотя с отцом ещё засветло уехали по какому-то важному делу. Инга смотрела в экран телевизора, а мыслями была далеко дома. Что там делает сейчас мама? Сколько горьких минут она ей доставила своей поездкой и ещё продолжала добавлять каждый день, откладывая отъезд. Ещё больше девушку заботило то, как они будут жить после её возвращения.

Из комнаты вышла Таня.

– Телек смотришь?

– Ничего интересного, – Инга отключила телевизор. – Уроки выучила? Пошли, погуляем.

– Уроки сделала. Я не могу. Мне ещё надо сделать то, что папа поручил.

– Потом сделаешь, – Инга с интересом посмотрела на сестру. Ей почему-то очень захотелось подбить Таню нарушить правила. – Пойдём, погуляем. Я целыми днями сижу дома. Ещё потеряюсь, – и чтобы совсем быть убедительной добавила: – Город мне покажешь. Ты же хотела город показать?

– Хорошо, – согласилась Таня. – Потом быстро сделаю.

Инга ликовала. Она видела, как впервые за несколько дней в этом доме был нарушен порядок, и она к этому приложила руку. В их с мамой жизни порядок был чем-то иллюзорным. Они много строили планов, но почти никогда им не суждено было сбыться или они осуществ-

лялись с таким скрипом, что процесс превращался в каторгу и длительную ссору. Чаще всего – планы так планами и оставались. Зато вечерами они могли долго обсуждать и сожалеть о том, как отказались от намеченных планов и как было бы славно, если бы они выполнили хоть один из них.

Сёстры собрались и наметили маршрут. Сразу условившись, – так чтобы больше посмотреть и вернуться домой заблаговременно. Таня должна была успеть выполнить папино поручение.

Красивый и большой город с просторными бульварами и проспектами увлёл сестёр. Множество людей и городского транспорта. По дороге они дважды покупали мороженное, насчёт которого тоже был наложен родительский запрет. Инге не составляло труда уговорить маленькую Таню только попробовать.

– Если есть по чуть-чуть, то ничего не будет, – заверила старшая сестра. – Главное, не большими кусками и не глотать.

– Месяц назад я всего-то ложечку попробовала и две недели ангину лечила, – сама себя настраивала отказаться Таня, но не удержалась.

Увлёкшись прогулкой, они забыли про время и, когда на площади часы пробили двенадцать, ахнули. Пришлось ловить такси, хватать из дома портфель и сломя голову нестись на урок. Благо школа была в нескольких кварталах.

– Попадёт мне, – сказала Таня на прощание. – Я же не сделала.

– Не волнуйся, – успокоила сестру Инга. – Скажу – я виновата.

Инга ещё погуляла по городу и, когда вернулась, дома застала Елену Николаевну.

– Жду тебя, – взволнованно встретила она девушку.

– Что-то случилось?

– Звонила классная. У Тани температура поднялась, – собираясь, рассказывала Елена Николаевна. – Ума не приложу, откуда она взялась?

– Мы погуляли по городу, а потом я проводила её в школу, – рассказала Инга. – Всё было нормально. Надо было не ждать.

– У тебя же нет ключа от дверей. Сейчас Матвей придёт, – отдавала распоряжения Елена Николаевна. – Подогреешь еду и поедите. Мы скоро будем. Если ничего страшного, то сразу домой, а нет, так через поликлинику проедем.

– Хорошо, всё сделаем, – принимала к исполнению Инга.

– Чуть не забыла. Вот рабочий номер телефона отца. Дозвонись ему, – и Елена Николаевна ушла.

Дочери пришлось несколько раз набирать номер, вращая диск, прежде чем она услышала в трубке голос отца.

– Привет, – у неё не повернулся язык сказать «папа», и она от этого зажмурилась. – Это Инга.

– Я слышу, доча, – спокойно ответил отец. – Как вы там?

– Таня заболела – сообщила Инга и тише добавила: – Мы мороженого поели.

– Она же знает, что ей нельзя, – голос отца погрубел.

– Я её уговорила.

– Где они?

– Кто они? – не поняла вопроса Инга.

– Елена Николаевна пошла за ней?

– Да.

– Я и спрашиваю, давно ушла?

– Да, давно. Наверно, скоро придут.

– Я тоже скоро буду, – коротко бросил отец, и в трубке послышались короткие гудки.

Елена Николаевна укладывала Таню в постель, когда в дверях раздался звонок. Это вернулся с работы Григорий Михайлович. Он не спешил к больной. Пока мыл руки, к нему вышла супруга.

– Что там? – коротко бросил он.

– Ума не приложу, откуда могла взяться температура, – сетовала Елена Михайловна.

– Разберёмся, – поцеловав жену, Григорий Михайлович бросил короткий взгляд на старшую дочь. Извиняясь, Инга только повела плечами.

– Я компрессы приготовлю.

– Нет, – отдавал распоряжения отец. – Инга приготовит компрессы, а ты принеси тройку – но-шпу, анальгин и супрастин и ступай на работу. Сами управимся. В кухне, на полке, бутылка спирта, – адресовал дочери Григорий Михайлович. – Стакан на литр воды разбавишь, марля в аптечке, – отец пальцем указал на ящик в прихожей и ушёл в комнату к девочкам.

До позднего часа они постоянно меняли компресс, обкладывая всё Танино тело марлей, пропитанной разбавленным спиртом.

– Зачем так часто менять, – в какой-то момент не выдержала Инга.

Видишь ли, у Тани аллергия на температуру, – устало пояснил отец.

– Как это? – удивилась она.

– Вот так. Организм не может бороться с температурой. Разбухает, сжимает сосуды, а кровь пенится и превращается в хлопья. Если прозевать, конец наступает в течение часа.

– Какой конец? – слова отца ошарашили дочь. – То есть я хотела сказать, а мы успели?

– Меняй марлю, – спокойно сказал отец и уже обратился к Тане. – Ну как ты?

– Хорошо, папа.

– Давай измерять температуру, – отец встряхнул термометр и сунул дочери под мышку. – Вроде стабилизировалась.

– Я тоже чувствую, – сокрушённо подтвердила Таня.

– Как же тебя угораздило? – отец положил Тане на лоб руку.

– Очень захотелось, пап, – виновато проговорила дочь. – Я не выполнила твоё поручение.

– Бог с ним, – тяжело вздохнул отец.

– Это я её уговорила, – попыталась заступиться за сестру Инга.

– Не адвокатируй, – поднимаясь, отец поцеловал Ингу в лоб. – Она организованный человек и может сама отвечать за свои поступки.

Состояние Тани стабилизировалось, и она уснула.

* * *

Весь вечер разговаривали. Им было о чём. Инга задавала вопрос за вопросом, а отец отвечал и отвечал. Она слушала и понимала, как рушится тот замок, который выстроила её мать за все эти двадцать четыре года. Сердце сжалось, а душа трепетала от горечи за неё. Зачем? Кому нужны были все эти сказки? – пульсировало в висках. Мать потому и не хотела отпускать к отцу. Знала, – все годы врала и всё это вскроется. Знала – всё рухнет и надо будет начинать сначала, а сил уже не будет. Нет той двадцатилетней девчонки, которая могла бы на всё махнуть рукой, как когда-то она распорядилась судьбами своей и её – Инги, и начать заново.

– Хватит на сегодня, – наконец сказал отец, крепко ударив по коленям. – Пора спать. Уже за полночь. Иди мыться.

– Нет. Я после тебя. – Инге хотелось побыть одной.

– Как хочешь, – отец собрался уйти.

– Помнишь, я тебе говорила, – беря отца за руку, одними губами произнесла Инга, – у меня с детства есть тайна, которую я никому никогда не рассказывала?

– Помню, – сухо ответил Григорий Михайлович.

– Хочешь расскажу? – Инга знала – отец откажется, но она нуждалась в том, чтобы выпустить из себя эту многолетнюю тяжесть.

– Нет, не хочу, – голос отца звучал так же сухо.

– Я всё-таки расскажу, – дрожащими губами упрямо произнесла Инга, но отец промолчал. – Я была ещё маленькая, лет семь мне было, у мамы появился мужчина, – Инга замерла, прислушиваясь к дыханию отца, но тот даже не шелохнулся, как будто его и не было рядом. – Понимаешь, – словно оправдываясь за причинённую отцу боль, Инга едва не разрыдалась и, снова переведя удушливое дыхание, продолжила: – Она была счастлива и собиралась замуж. В одно утро, мама отвела меня к бабушке, и они о чём-то взволнованно поговорили. Бабушка потом весь день приговаривала: «Наконец и ей счастье улыбнулось», и гладила меня по голове. К обеду вернулась мама с этим мужчиной. Оба улыбаются. Мама счастливая, с цветами, и у обоих блестящие кольца на пальцах. Это они приехали из загса. Мама подозвала меня и сказала:

– Это твой новый папа. Мы теперь будем жить все вместе, – с этими словами она посмотрела на своего нового мужа и, соединяя наши руки, добавила: – Скажи, здравствуй, папа.

Инга замолчала, собираясь силами, чтобы открыть самое основное, ради которого и начала эту исповедь. Григорий Михайлович сидел, не шелохнувшись и не отрывая взгляда от улицы. Всё, о чём говорила дочь, проникало в него, и он чувствовал тяжесть каждого слова сердцем.

– И я... – вырвалось у Инги, но голос сорвался, и она умолкла.

От волнения пересохло в горле. Подступивший ком душил, девушка никак не могла перевести дыхание, а Григорий Михайлович словно окаменел. Слабея, Инга опустилась на колени, обняла отца и, обливаясь слезами, шёпотом заговорила:

– Я никогда больше этого не говорила. Понимаешь... мама счастливая... бабушка целый день... Мне было всего семь лет... Что я могла понимать? Сказали, скажи... Я же тебя никогда не видела... Я даже не знала, ты, вообще, есть? – Инга замолчала, тяжело дыша. Она села рядом с отцом и, обтерев слёзы, тихо заговорила. – Это моя тайна. Я была маленькая, но почувствовала, – только что совершила предательство. Я не знала тебя, не видела, а уже предала.

– Какая ты гадкая! Я ненавижу тебя! – ворвавшись в комнату, закричала Люся, обливаясь слезами. Она смотрела на Ингу с ненавистью и хотела что-то ещё сказать, но не нашлась и, оттолкнув старшую сестру, кинулась к отцу. – Пусть она уходит! Она плохая! Пусть она уезжает! Я её ненавижу!

– Пошли. Тебе пора спасть, – Григорий Михайлович взял дочь на руки и понёс в детскую: – Нельзя так говорить о сестре, – успокаивал дочь Григорий Михайлович. – Она наша и останется такой навсегда. Папа любит её так же, как и тебя, и Танюшу, и Мотю.

– И маму? – сквозь слёзы спросила Люся.

– И маму.

Инга долго смотрела вслед отцу и Люси, крепко обхватившей папу за шею и исподлобья смотрящую на неё невидящим взглядом. Она всё чаще и чаще вспоминала маминых подруг, которые как заклятие приговаривали, успокаивая мать: «Не волнуйся ты. Пусть поедет, познакомится. Столько лет прошло. Они чужие люди. За неделю гостей годы не наверстаешь». Инга вспоминала эти слова и внутренне восставала. «Разорвали. Разделили. Сделали своё дело, а мне навёрстывай. Как? Как прожить за неделю гостей двадцать четыре года? Я же не Люся, которой папа моет попку. И не Танюша, которую папа купает и моет волосы. Представляю, «Папа, помой мне попу, я покакала. Папа берёт меня на руки и моет попку. Мне, двадцатичетырёхлетней девице. Как соединить упущенные годы?»

В таких тяжёлых думах Инга не заметила, как вышел из ванной отец.

– Доча, иди мыться. Тебе постелить?

– Что? – не расслышала Инга.

– Мыться иди. Я уже. Постелить тебе?

– Нет, не надо, – что-то перевернулось внутри Инги. Она ужаснулась собственной догадке, как сократить все упущенные годы, как перешагнуть эту пропасть во времени. Ею обуял страх перед пропастью, которая стремительно разверзлась у неё под ногами и в которую ей предстояло шагнуть. На лице её передался весь кошмар внутренней борьбы между выходом, который она увидела, и светом, которого она так испугалась и к которому стремилась, возможно, всю свою жизнь.

– Что с тобой? – отец увидел бушующий ужас в глазах дочери и не на шутку встревожился. – У тебя всё в порядке? Ничего не болит? Может, неотложку вызвать? Я сейчас позвоню Елене Николаевне.

– Нет, нет, со мной всё в порядке.

– Инга, – отец попытался поймать дочь за руку, но она вырвалась и выбежала из комнаты.

– Инга, – отец потянул за ручку двери в ванную, но та была заперта. – Может, лучше не закрывай дверь? Дети спят. Тебя никто не побеспокоит, – отец прислушался к происходящему за дверью.

– Не волнуйся, со мной всё в порядке. Иди, ложись... – Инга едва не сказала: «я сейчас приду».

Она пустила воду, но продолжала прислушиваться к звукам в комнате. Наконец стукнула дверь в спальню отца, и она перевела дыхание. Инга уставилась на своё отражение в зеркале. На неё смотрела суцая бестия, фурия, с бешеным взглядом. Черты лица обострились в решительности. Она скинула одежду и стала под горячий душ. Обливаясь водой, она сверху вниз разглядывала своё тело. В зеркале её тело смотрелось красиво. Инга была блондинкой. Светлые волосы на теле не были заметны и не портили внешний вид. Вода тонизировала, но не смывала волю. Инга быстро прикрутила горячую воду и на всю открыла холодную. Едва тело покрылось мурашками, тут же пустила горячую струю и долго согревалась. Решила – надо идти до конца. Она долго стояла под душем, оттягивая время, но...

Тихо ступая, практически на цыпочках, Инга подошла к комнате девочек и прислушалась. Они спали. В отцовской спальне свет тоже был погашен. Как назло, луна светила ярко, освещая всю квартиру. Инга, не сводя глаз с двери отцовской спальни, направилась к ней. Сердце билось сильнее и сильнее, и девушке казалось, его слышно на всю квартиру. Уже у самой двери оно рвалось наружу. Сердце так сильно билось, что казалось оно могло разбудить спящего. В висках пульсировало до боли. Девушка потянула за ручку и вошла. Она остановилась у двери, замешкавшись, но не от нерешительности, а чтобы скинуть халат. Её белое тело засветилось под лунным светом. Блеск придавало лоснящееся возбуждение. В голове всё горело. Ни одной мысли и ни одного страха. Одна сплошная бестия. Инга медленно подошла к кровати. Отец лежал на спине и бесшумно дышал. Вдруг он открыл глаза. Инга метнулась и села сверху, крепко сжав коленями закутанное в одеяло тело. Она дрожащей ладонью закрыла ему рот и горячо, воспалённо зашептала:

– Молчи. Я этого хочу сама. Я так хочу. Я не хочу быть чужой. Я хочу быть как они. Я имею на это право, – она говорила так, словно доставала слова из самого сердца. Слова вырывались с горячим дыханием. Её цепкие руки схватили руки отца и водили по всему телу, а губы говорили, говорили. Жар раскалял до безумия голову изнутри.

– Это мой живот. Это моя шея. Это моя грудь. Это моя попка. Это... Я удалила волос. Как у них. Это вся я. Я уже не девственница. У меня есть парень, но я ещё не знаю, люблю я его или нет. Наверное, нет. Но всё уже было. Он не такой, как ты. Надо чтобы ты его увидел. Я обязательно познакомлю вас...

Инга водила руками отца по телу, а сама продолжала восседать на нём. Она извивалась, чтобы лучше показать всю себя. Она прикладывала руки отца к груди и целовала его ладони.

Она, словно обезумевшая, прижимала их к животу и водила по талии и бёдрам. И всё приговаривала.

– Ты так их моешь? – и она отправляла руку отца «мыть» попку. – А меня не мыл. Теперь и я знаю, как это когда папа купает дочку. Ты знаешь, я очень быстро возбуждаюсь. Мой парень говорит – это не нормально. Он говорит – это поту что я росла без отца.

Инга крепко прижимала руки отца. Григорий Михайлович не мог разобраться, о чём шептала обезумевшая дочь. Лицо её горело и обливалось нервным потом. Неожиданно она замолчала, сжалась, напряглась до дрожи и выдохнула. Она уткнулась в отцовские ладони и разрыдалась. Григорий Михайлович не шевелился, давая дочери самой справиться с эмоциями. Наконец дочь успокоилась.

– За эти дни наплакалась на всю жизнь, – с ухмылкой прошептала Инга.

– Слёз не бывает мало, – осторожно проговаривая слова, сказал отец.

Едва справляясь с бессилием, она слезла с кровати и, покачиваясь, удалилась. Ещё долго Григорий Михайлович слышал шумящую воду в ванной. Он так же был потрясён произошедшим, но и чувствовал облегчение. Это была его дочь.

Инга открыла глаза от ощущения, что кто-то на неё смотрит. Рядом сидели Танечка и Люся. Они улыбались, а Люся, увидев, наконец, проснувшуюся сестру, легла ей на плечо.

– Мы уже все встали, – сказала Таня.

– Кто все? – вздрогнула Инга, приподнимаясь.

– Мы и папа. Скоро мама с дежурства придёт.

– Как ты? Температура? – она приложила руку к Таниному лбу.

– Всё хорошо, – залепетала сестра. – Спасибо тебе.

– За что? – удивилась Инга.

– За мороженое.

Инга рухнула на подушку, выдохнув с облегчением. Застучали расставляемой на стол посудой. Люся сорвалась с места и побежала на кухню, следом поспешила и Танечка.

– Папа, папа! Она проснулась!

Из кухни донёлся приглушённый голос отца. После утреннего туалета Инга вошла в кухню. Отец и девочки сидели за столом.

– Давай быстрее, – не глядя, поторопил отец. – Тебя ждём.

– Доброе утро, папа, – неожиданно для себя сказала Инга.

– Доброе утро, – спокойно ответил отец. – Садись завтракать.

Инга внимательно посмотрела на лицо отца, но оно ничего не выражало. Отец завтракал как обычно. И даже подмигнул подбадривающе, как обычно. Сначала Инге, а затем и девочкам.

Инга с облегчением вздохнула. Она с радостью смотрела на сестёр. Её душа ликовала. Ела она быстро и с аппетитом. А поев, энергично встала и, поблагодарив отца, запросто подошла и, поцеловав его в висок, сказала:

– Спасибо. Вкусно. Пойду, погуляю.

В дверях она столкнулась с вернувшейся Еленой Николаевной. Та выглядела свежо и ярко. Открытая улыбка дополнялась тонким ароматом духов, и только усталые глаза выдавали то, что мать семейства вернулась с ночного дежурства.

– Ой, здравствуйте, Елена Николаевна.

– Здравствуй. Куда так рано?

– Пройдусь по утреннему городу и сразу домой.

– Осторожнее переходи дорогу, – напутствовала Елена Николаевна и, подобрав свисающий локон, заправила его в основную прядь Ингиных волос. Девушка склонила голову и подавалась вперёд, на что мать семейства просто поцеловала её в лоб. – Ступай. Без тебя обедать не садимся.

Как на крыльях Инга пробежала по ступенькам и выскочила на улицу. Она с восторгом оглядела всё вокруг. Она почувствовала, что смотрит на мир глазами папы, сестёр, брата, и от этого ощущения сердце забилося ликуя. Инга коснулась пальцами места, куда поцеловала её Елена Николаевна, и улыбнулась. «И Елены Николаевны... Надо разузнать, как тут с работой, – строила планы она, ступая быстрым шагом. – И попросить папу помочь снять квартиру». От последней мысли Инга аж сжала кулаки и нервно рассмеялась – она впервые, вот так запросто даже в мыслях назвала отца папой.

И всего-то, чуть больше двух недель прошло, а папа заполнил всю её жизнь, словно и не было этих двадцатичетырёх лет.

Азиатский зигзаг

Повесть

Азия.

Воздух в Азии жёлтый.

На Кавказе – серый. Рядом с Кавказом – на Кубани – бесцветный, но ароматный. В тайге Восточной Сибири – землисто-зеленоватый. В Питере – мокрый, целлюлозный.

А в Азии – жёлтый!

Константин сошёл с поезда в Чарджоу, прокомпостировал билет и вернулся по другой железнодорожной ветке, на север до Ургенча, чтобы перекладными добраться до Кара-Кумов. Забираясь в попутный «уазик», он так просто и сказал:

– Максимально близко к Кара-Кумам.

Шофёр-узбек не удивился, а скорее, снисходительно улыбнулся странной просьбе бледного юноши и затянул прерванную мелодию.

Константин устроился на переднем сиденье, рядом с водителем. Установил перед собою рюкзак и вскоре задремал, укачавшись на пустынной степной дороге под убаюкивающее, бессловесное подвывание узбека.

Проснулся Константин оттого, что «уазик» стоял, раскаляясь на солнце. Узбек сидел на коленках на потрёпанном коврикe перед автомобилем в пыльной колее и молился. Закончив обеденный намаз, водитель, наконец, вернулся в машину, сооротив попугачику широкую улыбку, и они поехали дальше.

Стрелки часов на приборной доске «уазика» застряли на двенадцати. Какого часа? Дня или ночи, неизвестно когда пробил их последний час. Константин достал свои часы. С момента, когда его подобрал узбек, прошло не больше получаса. Он оглянулся: «Наверное, город ещё виден». Но, увы... «уазик» окружала сплошная выжженная степь. Удручающее зрелище, если вы не местный житель или ищущий приключений европеец. Окончательно омрачала окружающую картину разбитость машины. Стрелка спидометра мёртво лежала на боку не весть сколько. На ней мерно подпрыгивали высушенные какие-то букашки. Вместо других приборов зияли дыры с торчащими проводами. В бесстеколье вползал раскалённый воздух. Кроме лобового, об остальных стёклах, наверное, уже и не помнили. Странно, как эта машина ещё ездилa? И, тем не менее, она ехала и увозила Константина к заветной мечте – Кара-Кумам.

– Далеко ещё?

Узбек прервал подвывание, замотал физиономией из стороны в сторону и заулыбался, преобразив лицо в медный таз, испачканный сажей бровей и глаз. «Хотел экзотики – получи», – сгримасничал в ответ Константин.

Ещё около часа они колесили, петляя по голой степи, когда впереди вычертился ломаной линией населённый пункт. «Не назад ли приехали?» – ухмыльнулся Константин.

– Селение? – показал он рукой водителю. В ответ узбек утвердительно закивал. – Мы туда едем? – не унимался Константин. Он уже начал беспокоиться: – Кара-Кумы там? В той стороне?

Узбек широко заулыбался, в этот раз показав белые, крепко сидящие мелкие зубы, и прошепелявил:

– Оазис!

Едва они заехали в узкие улочки, напевное подвывание шофёра-узбека отдалось далёким гнетущим эхом над всем Оазисом. Оно словно разлеталось, где-то там накапливалось, чтобы вернуться с угрожающей силой. Константин насторожился, вдавился в сиденье, косясь на водителя. Чем дальше они углублялись в хитросплетения человеческой лепнины, тем больше гул усиливался. Покружив между мазанками, с наглухо закрытыми, выкрашенными коричневой краской дверями, «уазик» ткнулся бампером в низенький дувал, преграждающий выезд на огромную площадь. Константин не поверил своим глазам. Площадь кишела бесчисленным народом. Даже если долго всматриваться, нельзя было уловить стройности людских потоков. С площади и вырывался этот гнетущий человеческий гул, нависая над всей округой. Только верблюды и ишаки, словно припаркованные автомобили, стояли в ряд по ту сторону дувала, привязанные к деревянному брусу. За многие годы просаленный, отполированный до блеска потными руками брус крючкато извивался над дувалом, своею грязной желтизной сливаясь с ним в один примитивный архитектурный ансамбль. Измученные жарой животные лениво вскинули морды, наострили уши, но увидев, по всему, знакомый «уазик», успокоились. Ишаки тут же задремали, а верблюды вздымали головы, оглядывались над толпой, тревожно осматривались и опускали свои морды, чтобы через время снова вынырнуть. «Откуда взялись все эти люди? И что они тут делают?» – удивлялся Константин, выбираясь из «уазика». Над толпой возвышалась выпаленная солнцем вывеска, с едва угадываемой когда-то красной надписью: «Колхозный базар». Наскоро попрощавшись с водителем, тот денег не взял, Константин сразу отказался от затеи пробраться через людское месиво. С рюкзаком сделать это было не реально. И он решил осмотреться по округе.

Оазис не удивил архитектурными стараниями. Всё те же глиняные мазанки без крыш, поросшие занесёнными ветрами, высушенными растениями. Высокие дувалы скрывали от постороннего взора внутренние дворы. Не приоткрывали завесы ворота. Они были такие же высокие и, непонятно для чего, широченные. Кукуруза – единственное озеленение на улицах. Высаженная строго перед воротами, во всю их ширину, в разное количество рядов, наверное, в зависимости от достатка хозяина, она служила прикрытием для ворот. Над дувалами тёмными барханчиками выглядывали кроны деревьев. Они не возбуждали сознание любопытством. Черная зелень на расстоянии угнетала. Такое стояло пекло!

Звенящий зной дополняло журчание воды. Прокопанные по всем улицам, вдоль дувалов арыки разносили живительную влагу по дворам. Вода неслась стремительно, только тормозя в отводах под дувал, и, словно прощаясь, бурунчиками всплескивалась, ныряла внутрь, внося с собою огромное количество взвесей. Удивительно, как сохранялась студёность воды в такой зной. До ближайших гор было приличное расстояние. До Амударьи – тоже!

Зной, звенящий голос тишины, журчание воды – соединились в бесноватую мелодию тоски. Улицы, переулки, дувалы, дома – всё одна сплошная глина.

Раскалённая глина!

Глина с силой отталкивала тепло обратно, а солнце, зависнув в беспощадном безмолвии, невидимо вколачивало в неё свои смертоносные лучи. Далеко, на расстоянии взгляда, видна была борьба двух стихий, смертельно-плотным, пульсирующим покрывалом, нависшим над землёю. Всунь в него яйцо, и оно сварится вкрутую.

«Вот тебе и Кара-Кумы!» – усмехнулся Константин, не скрывая своего разочарования.

Схватив из арыка пару жменей студёной воды, Константин осмотрелся основательнее. Через несколько десятков метров улица заканчивалась. Точнее, она расширялась до размеров в никуда. Околицей Оазису служила пустыня Кара-Кумы. Выйдя на край посёлка, Константин даже попрыгал. На многие километры, куда доставал взгляд, простиралась плоская, высушенная солнцепёком пустыня. До самого горизонта ни одного бархана, одна сплошная марь. Серая земля, коряво изрезанная трещинами, издыхала, не сопротивляясь различным гадам, с удивительной при таком зное резвостью шныряющими в её чрево.

«Ни песчинки... – Константин вглядывался вдаль. – Сплошная степь! Это что ещё такое? Пресловутая верблюжья колючка, – Он мотнул ногою, чтобы освободиться от ткнувшегося в неё растения, – совсем как наше «перекати-поле». Как же оно катится? Ветра нет, а катится?!»

Константин прошёл ещё немного и остановился в изумлении. В нескольких метрах перед ним раскинулись грядки с арбузами и дынями. Настоящими азиатскими дынями! Огромными, вытянутыми, душистыми.

Недолго раздумывая, он выбрал спелый плод. Налитое брюхо лопнуло, раскроенное ножом, и выпустило опьяняющий аромат. Из дыни потёк сок с косточками. «Вылился, – удивился Константин. – Вот влага, которой так недоставало этой несчастной земле». Земля пропустила вытекшую из дыни влагу сквозь себя, даже не намочнув, и сок исчез. Был. Его видели. И исчез, не оставив следа!

– Кхе-кхе-хе, – неожиданно раздалось за спиной. Константин резко повернулся, крепко сжав древко охотничьего ножа. Перед ним стоял ссутулившийся старик-узбек в стёганом поло-сатом, на все цвета радуги, халате и белоснежной чалме. Чалма словно горела, выделяясь на жёлтом фоне пустыни и глины. Константин даже прижмурился, чтобы рассмотреть старика. Он походил на реставрированную корягу. Морщинистое лицо стянулось дулькой к переносице двумя клубками, разделёнными прищуром пополам. И откуда-то из глубины разрезов сверкали колючие зрачки, рассматривающие чужестранца. Кончик длинной бородёнки, седой и хилой, трясся неостановимо. Нижняя губа едва заметно подёргивалась, и Константин успел заметить на ней иссиня-чёрную, старческую гематому. В старце всё шевелилось, подёргиваясь: бородёнка, губа, голова, руки. «Оторви его от земли, и ноги бы задргались, – усмехнулся про себя Константин. – Ему от роду – лет сто».

Старик, словно прочитав мысли чужака, крепко поджал губы, успев подхватить едва подкатившуюся росинку слюны, и, отвернувшись, медленно прошёл мимо, шелестя шлёпанцами с причудливо загнутыми кверху носками, которые заканчивались жёлтыми набалдашниками, натёртыми до блеска и пускающими зайчиков. Маленькие кисти рук, не знающие тяжелого труда, но состарившиеся временем, сцепились в хитросплетении и легли на пояснице, локти растопырились в разные стороны, как крылья. Голова старика плавными, круговыми движениями покачивалась на длинной, высушенной шее, прикрепленной к ссутулившейся правильной сферой спине. Спина округлилась настолько, что по обе её стороны пустотами свисали плечи халата. Старик походил на верблюда, израсходовавшего весь запас питания в изнуряющем переходе. Несмотря на вековую поношенность, облачён старик был во всё яркое и новое. «Неужели золото?» – мелькнула догадка в голове Константина, когда глаз выхватил жёлтый блеск набалдашников.

– Здравствуй, отец, – поздоровался в спину старику Константин, начиная испытывать неловкость.

Старик не ответил, а только опять прокашлялся.

– Кхе-кхе-хе.

Прокашлялся вот так просто, в пространство. Совсем по-детски открыл рот и выкашлялся, обрызгав мокротой всё вокруг. Прочистил горло от многолетнего налёта и продолжал стоять неподалёку, что-то высматривая в пустыне.

Разве что в этот раз, как показалось, кашлял он нарочито громко и натужно. Наверное, знак даёт кому-то, – мгновенно сообразил Константин и поторопился исправить положение, оправдавшись.

– Отец, я случайно набрёл на огород. Думал, ничейный, – замялся он, соображая, что ещё добавить. Старик продолжал стоять, отвернувшись. На всякий случай Константин оглянулся в сторону Оазиса, не идёт ли кто-то, но округа замерла. Тогда он успокоился и приободрился. Голос его повеселел: – Понимаешь, отец, – продолжил Константин, натягивая улыбку, – у нас, там, откуда я приехал, арбузы-дыни просто так растут, на поле. Бери, не хочу! Вот я и решил, это такая же бахча. Если что не так, я заплачу, – с этими словами он быстро пошарил по карманам и достал деньги.

Старик обернулся на суету и внимательно следил за движениями чужака. Когда чужестранец протянул руку, старик близоруко-слезливо заморгал, присматриваясь, даже слегка наклонился, но, разглядев, что в ней, отпрянул и, обогнув по большому кругу, быстро засеменял в сторону Оазиса, что-то звонко выкрикивая и рубя воздух рукою. Константин остался в замешательстве: «Не обиделся ли? Чудной какой-то! Надо убираться отсюда подобру-поздорову!» Быстро собравшись, Константин побрёл по пустыне вдоль посёлка. На всякий случай сунул нож в рукав.

Выжженная степь, жажда, верблюжья колючка – единственное доступное заезжому растение, высокорослые деревья стояли за высокими дувалами, в чьих-то владениях, – неумолимо гнали Константина в поисках воды и тени. Пройдя с километр, он остановился у хлипкого навеса, покрывающего искусственно вырытое, небольшое углубление, стенки и дно которого выложили крупными речными гольшами, скрепленными между собою всё той же глиной. С одного края, по арыку, в своеобразный водоём, подходила вода, а с другого – по такому же арыку вода возвращалась обратно в посёлок, но уже по другой стороне улицы. Работало это бесхитростное гидротехническое сооружение бесперебойно. Непонятно, как в такое пекло могла оставаться в бассейне вода? Навес, по всему, предназначался только для того, чтобы сверху в него не попадал сор. На некотором удалении от бассейна возвышалась небольшая песчаная куча, все те взвеси, от которых бассейн вычищали.

Константин напился вдоволь и расположился ужинать. Бензиновый примус «Шмель», посвистывая, старался быстро сварить сто пятьдесят граммов рисовой каши. Один котелок служил и для приготовления пищи, и для заваривания чая. Единственное неудобство туриста-одиночки. Константин, не спеша, настрогал вяленого мяса и отсчитал десяток сушёных абрикосов. К ужину полагался хлебный сухарь. Сервировка закончилась, и Константин от удовольствия потёр ладони. Еда, затем отдых и потом – планы!

Стемнело быстро и незаметно. Дневной зной сменился ощутимой прохладой. Спешить было некуда, и Константин решил заночевать тут же, у бассейна. Не надо искать воду, чтобы умыться и позавтракать, а разогретая солнцем песочная куча могла послужить хорошим ложем. Наскоро уложив вещи в рюкзак, он выкопал овальное углубление в песке, расстелил полиуретановый коврик, уложил рюкзак под голову и накрылся спальным мешком. Под правую руку зарыл в песок нож, так, чтобы ощущать его рукоять, и уснул. Уснул крепко, впервые за трое суток.

Сон сморил Константина мгновенно.

Ещё бы! Многодневная бессонница подкосит кого угодно.

Поездом до Баку почти двое суток, в общем вагоне. Место досталось в глухом тамбуре. Пристроил свой станковый рюкзак, но расслабиться не успел. Через пару часов на остановке вошли новые пассажиры. Даже в тамбур набилась куча народу. В основном, студенты-азербайджанцы, едущие домой на побывку.

«Больше суток в один конец, – прикидывал Константин, разглядывая разношёрстное студенчество. – Сколько же они побудут дома? Выходных всего-то два дня!»

Прошло ещё несколько часов пути, когда мысли прервал всколыхнувшийся гомон азербайджанской речи. Студенты расступились, и в тамбур протиснулась миловидная девушка. Весь её сосредоточенный вид сменился удовлетворением: пробралась наконец-то! – и тут же – разочарованием. Там, куда она так тяжело пробиралась через битком-набитый вагон, мест не оказалось, а возвращаться некуда. Стайка парней, с такой охоткой расступившаяся перед девушкой, так же и сомкнулась, загородив дверь. Теперь на неё уставилось несколько пар нахальных глаз, бесстыдно разглядывая. Мелькнувшая тревога за беспомощность своего положения хлынула крепким румянцем, как-то странно выделив раскрасневшееся лицо на фоне русых волос. Она быстро обвела взглядом стоящих вокруг, ища поддержки, но её разглядывали всё такие же глаза, доставшиеся их обладателям ещё от прапрадедов.

– Проходите сюда, – стальной командой прозвучало откуда-то из-под ног толпы.

Азербайджанцы тут же расступились. Всем стало интересно посмотреть на смельчака. В углу тамбура сидел, прислонившись к стене, бородатый парень в форменной рубашке. Поток огненных взглядов с вызовом устремился на неожиданного возмутителя. Похоже, парня не смутило численное превосходство недовольных, и это подействовало на толпу. Он, невидящим взглядом, медленно провёл по толпе, пока не остановил его на девушке.

– Садитесь, – не обращая внимания на всеобщее напряжение, повторил парень.

Девушка не поняла, к ней ли было обращено сказанное. В подтверждение своих слов парень медленно сунулся на край рюкзака, хлопнул по освободившемуся месту и закрыл глаза, откинув голову на стену. Тем самым, давая понять, ему нечего добавить к сказанному, а ты, стало быть, выбирай. Девушка медлила, оценивая своё положение. Студенты-азербайджанцы, каждый по-своему объяснив немигающий взгляд незнакомца, тихо переговариваясь, отворачивались и больше не смотрели на неё. Всем своим видом показывали, девушка им не интересна, и возникшее недоразумение можно считать исчерпанным без дополнительных выяснений. Произошедшее изменение с толпой приободрило девушку, и, пробежав по образовавшемуся коридору, она плюхнулась на рюкзак. Коридор тут же сомкнулся. Гул, как ни в чём не бывало, постепенно возобновился. У стай отобрали кусок мяса, а она и не заметила. Такова уж стая!

Опустившаяся темнота поглотила законные пейзажи. Время приближалось к полуночи. Уже никого не осталось стоящим. Кто где, так и опускались на корточки, приваливаясь друг на друга. Постепенно все приумолкли, изредка перекидываясь сонными фразами и смешками. Девушка, тайком косясь, разглядывала своего спасителя, продолжающего сидеть с закрытыми глазами. А он замер, и только покачивалась в такт движению его голова. Она специально поёрзала, толкнув своего спасителя. И он посмотрел на неё, но уже недовольно.

– Извините, – мило улыбнулась она. – Меня зовут Лена, – тихо представилась девушка, глядя в немигающие глаза. – Елена, – повторила она, обезоруживающе улыбаясь, и протянула руку.

– И куда мы собрались? – Парень прикоснулся пальцами к протянутой руке.

– В Баку. Старинную крепость посмотреть, – обрадовалась завязывающейся беседе Елена.

– Константин, – представился он и опять закрыл глаза.

Весь путь до Баку Константин и Елена делили рюкзак пополам. С какой лёгкостью Лена заводила разговор, с такой же лёгкостью Константин его прекращал. Обидевшись, она замолчала, чтобы через время найти новый повод заговорить, но всё повторялось. Лена злилась, обиженно отворачивалась, но сердце ликовало! Всё равно она чувствовала себя комфортно в обществе этого симпатичного молчуна. Поэтому, когда стемнело, Лена ничего не говоря, скинула босоножки и умудрилась полностью, свернувшись калачиком, уместиться на рюкзаке.

Константин краем глаза наблюдал за приготовлениями соседки. «Ничего, симпатичная, – лишь на мгновение мелькнул в его взгляде интерес и тут же сменился иронией: – В Баку она едет. Крепость ей, видите ли, надо посмотреть».

– Долго будешь копошиться? Совсем на край вытолкала, – не выдержал он.

– Неудобно. И голову положить некуда, – искренне расстроилась Лена.

– Хм. Ну, ты молодец, – Константин свернул валиком штормовку и положил на колени: – Ложись. Куда тебя теперь денешь.

Если бы в этот момент проезжали фонарь, он осветил бы в тёмном тамбуре довольное девичье лицо. Лена легла спиной к Константину, чтобы случайно не выдать своего настроения. Она получила, чего хотела, но именно теперь сон как рукой смахнуло.

– Удобно? – Константина забавляла беспечность попутчицы.

– Да. Всё в порядке, – отозвалась Лена, едва сдерживая ликование в голосе. – Только колени свисают, и от двери холодом тянет.

«Вот уж поистине, – усмехнулся Константин, – как определить, что живёшь уже не один? Это когда, заходя по утрам в свою ванную, видишь сохнувшие женские трусики».

Колёса выстукивали, отбивая расстояние. Свет от пролетающих фонарей мелькал, на мгновение освещая тамбур. Студенты-азербайджанцы, прилипнув друг к другу, спали. Не спали только двое – Константин, сидящий с закрытыми глазами, и Лена, счастливый блеск глаз которой можно было разглядеть не только когда врывался жёлтый свет фонарей. Когда начинало сильно раскачивать вагон, Константин клал руку ей на плечо, придерживая. Тогда Лена быстро закрывала глаза и замирала, умиляясь внимательности грубоватого, но заботливого попутчика.

Издали донёсся протяжный гудок локомотива. К стуку колёс примешался трущийся шелест тормозных колодок. Послышался приближающийся лязг сбивающихся со скорости вагонных сцепок. И их вагон закрипел, накренился в сторону и резко качнулся обратно, швырнув все свои внутренности. Где-то, в вагонной утробе, с силой грохнуло об пол, а лязг покатился по вагонам дальше. Состав ворвался в затяжную петлю железнодорожного полотна. «Уснул он там, что ли?» Константин успел упереться ногами и уцепиться одной рукой за алюминиевую решётку двери, а другой – схватить в охапку хрупкую фигурку девушки. Тормозящий скрежет железа об железо сбил скорость, всей своей массой ещё раз качнувшись по инерции, и всё также мгновенно успокоилось. Во все щели полез запах горелых колодок. Загалдели сонные азербайджанцы. Едва уловимое движение вагона и мерное постукивание колёс всех успокоило и снова усыпило. Константин тоже расслабился, но руку освободить не смог. Лена крепко прижимала её к себе.

– Всё, всё, спи, – успокаивающе погладил он девушку по голове и попытался освободиться из её цепких пальцев. Свет медленно прополз по тамбуру. Лена смотрела глазами, полными тревоги, и продолжала крепко прижимать его руку. Только теперь Константин почувствовал у себя в ладони упругий комочек, коротко вздымаемый глубоким дыханием барышни. Медленно потянулся свет следующего фонаря. Лена не сводила взгляда, но тревога сменилась трепещущей трогательностью. Она слегка упёрлась ногами в стенку и медленно, в такт стуку колёс и движущемуся свету, села, но уже в объятиях своего покровителя. Голова легла ему на плечо, и только теперь из груди вырвался выдох облегчения. Константин обнял девушку и крепко прижал. Глубоко вдохнув аромат её волос, закрыл глаза. Они так бы и проснулись, но не спалось им...

В пять утра, громыхнув сцепкой и встряхнув всех пассажиров, поезд остановился. В окнах замелькали мечущиеся встречающие. Весь вагон проснулся и встал одновременно. Толкаемая со всех сторон Лена в ожидании молча смотрела, как Константин собирается. Чувствовалось нависающее напряжение предстоящего расставания. Придирчиво осмотрев рюкзак,

Константин водрузил его на плечо и только теперь несмело посмотрел на свою спутницу. Лена старалась не моргать, чтобы не сбить слёзы, крепко сжав зубы, она не могла никак сглотнуть подкатившийся к горлу комок. Константин притянул её к себе, стряхнув слёзы на штормовку. Коротко прижался щекой, краем губ ткнулся в висок, захватив и истекающий слезами глаз, и ушёл, оставив девушку в пустом вагоне. «Чего терзаешься? Первая встреча... Ну и что? Все мы – когда-то первые встречные! У тебя намечен маршрут, и его надо выполнить, – боролся сам с собою Константин, пробираясь сквозь толпу к выходу. – В конце концов любое расставание – это личные, душевные потери. Это нормально, когда душа болит. С каждым расставанием отрывается кусочек души... Что болит-то сейчас? Эгоизм, – закусив солонатовую от слёз губу, Константин задавал вопросы, и сам же на них отвечал: – Чувство собственности гложет. Обладать, и немедленно! – У Константина заиграли желваки, что-то сопротивлялось стройным рассуждениям, но он упорно шёл вперёд. Бездушные ноги уносили его прочь от неожиданно нагрянувших душевных мук и слабостей. Где же находится душа, и насколько она заполняет тело?

Разглядывать Баку времени не было. До отхода парома на Красноводск оставалось сорок минут, а предстояло купить ещё билет. Константин прибавил в шаг. На паром уже вбегал под крики: «Убрать трап!», «Отдать концы!» И прелестная девушка осталась далеко позади.

Самый недорогой билет позволял Константину искать место только на палубе. Строгий боцман следил за порядком, и схитрить не удалось. Устроившись, хоть и удобно, поспать не получилось. Ветер и болтанка больше тревожили, нежели располагали ко сну. Промучившись с закрытыми глазами шесть часов, Константин сошёл на асфальт порта Красноводск. Земля под ногами, с непривычки, покачивалась. После бакинских пейзажей Красноводск представлял собою жалкое зрелище, но предаваться эмоциям было некогда. Из-за шторма паром опоздал на час. Надо было спешить на поезд до Ташкента. И Константин кинулся сломя голову, благо, вокзал находился недалеко от порта.

Общие вагоны этой стороны Каспия не отличались от тех, которые с той стороны. Они так же были забиты по самые третьи полки, но только совершенно другой публикой. Почти у всех чалма на голове, матрацно-полосатые халаты и расшитые шлёпанцы. Одни сплошные шлёпанцы! Константин резко выделялся, несмотря на то, что одет был в обычную офицерскую рубашку и парусиновые брюки цвета хаки. Он долго пробирался вдоль вагона, высоко переступая через тюки и чьи-то головы, выискивая свободное место. Понадобилось как-то сложно разминуться, открывая дверь в туалетный предбанник. Здесь уже разместились на мусорной крышке двое пассажиров, и двое стояли. С ними тоже пришлось чуть ли не обниматься, чтобы открыть дверь в сам тамбур. Заставленный тюками тамбур встретил вновь прибывшего грубовым молчанием. Константин равнодушно обвёл взглядом уставившихся на него мужчин и сухо поздоровался. Особо не церемонясь, он пробрался в угол и, растолкав сваленные тюки, установил рюкзак. Никто не проронил ни звука. Константин спиной чувствовал, как за ним наблюдают несколько пар наливающих недовольством глаз. Чтобы разрядить обстановку, он заговорил первым, стараясь без эмоций всё объяснить:

– Чтобы не мешал в проходе, и подальше от людей. А то может металлической конструкцией поранить во время движения поезда.

После некоторой паузы послышались редкие нашёптывания. Мужчины рассматривали рюкзак чужака и, соглашаясь, закивали головами. Тихие разговоры возобновились, и уже никто не обращал внимания на новичка. Народ ждал, когда поезд тронется в путь. Константин успокоился. Было о чём подумать – предстояла третья бессонная ночь, поезд уносил его глубоко в Азию, и всё только начиналось!

Проснувшись, Константин открыл глаза сразу и непроизвольно потянулся. Голова лежала на высушенной земле. Коврик как-то непривычно покалывал многочисленными крошками. Он пошарил рукой, ища, куда закопал нож, но пальцы нащупывали твёрдую почву, иногда проваливаясь в щели. Константин подскочил, озираясь. Сидел он на земле рядом со своим ложем, а вокруг не было ничего – ни подстилки, ни рюкзака, ни спальника. С песчаного барханчика он скатился, по-видимому, во сне. «Где же вещи?» – оглядываясь, Константин запустил в песок руки и нащупал заветную рукоять. Клинок весело блеснул, подмигнув зайчиком. Константин ещё раз осмотрелся, вглядываясь в дувалы, – может, кто из ребятишек подшутил? Округа словно вымерла. Константин поочередно пожатал все карманы и совсем расстроился. Мелочи и нескольких рублей, полученных на сдачу и положенных в карман рубашки, не было. Его явно обокрали. Мечта сбылась – он попал в Кара-Кумы, попал в Азию и стоит без денег, без документов. Намеченная программа начала реализовываться с первого дня и с самого главного пункта – выжить! Ругать себя уже не имело смысла. Константин расстроился и по другому поводу: придётся возвращаться домой, так и не доехав до Тянь-Шаня. «Нужны деньги на обратный билет. Единственная возможность их заработать – это подрядиться к кому-нибудь на работу. Базар, базар, – запульсировало в висках. – Грузчиком на базаре...» – Пока голова размышляла, ища выход, ноги сами выбирали дорогу. Когда Константин поставил точку своим размышлениям и намеченному плану, то приятно удивился – центральный вход в базар был прямо перед ним.

Стояло раннее утро. Базар уже гудел обилием народу. Константин бродил между прилавками, присматривая хорошего работодателя. У огромной жёлто-зелёной кучи – дыни и арбузы свалены вперемешку – стоял рослый паренёк и торговался с женщиной, покрытой паранджой. Женщина говорила тихо, но паренёк всё слышал и отвечал ей чуть ли не на весь базар, как бы привлекая внимание к их бойкой торговле и желая показать, как умеет торговаться и выторговать свой интерес. Уже опытный глаз юного торговца сразу выхватил из толпы чужака и держал его в поле зрения.

– Что это они у тебя перемешаны? – как бы разговаривая сам с собою, спросил Константин.

– Кто перемешаны? – неожиданный, наполовину услышанный вопрос, озадачил паренёка и сбил со стройного коммерческого настроения.

– Что, а не кто, – также в сторону продолжал говорить Константин.

– Что – что? – не понял совсем сбитый с толку паренёк.

– Дыни и арбузы – что, а не кто, – уже пристально посмотрел на паренёка Константин.

Паренёк оценил тон чужака. Его глаза заискрились особым азиатским огоньком:

– Послушайте, уважаемый, – сейчас он, как заправский, гостеприимный хозяин-торговец превратился в самую любезность. Видно было: всё, что он сейчас делает и говорит, – подражание старшим: отцу, деду, дядьке – заправским торговцам, не один год проводившим на базаре. – Э-э-э! Вы не понимаете! Аромат дыни смешивается с ароматом арбуза и получается истинный букет Аллаха! Не дыни, а мёд! Не арбузы – нектар! – Паренёк воздел палец к небу, выдерживая паузу, измерил чужака смешливо искрящимся взглядом, и продолжил торговаться с женщиной, покорно ожидающей окончания мужского разговора.

Теперь уже Константин оценил по достоинству умение юного торговца, и его глаза прищурились в улыбке:

– Работа нужна, – как-то тихо, почти губами произнёс он, больше для проформы, но паренёк расслышал.

– Нет, – в промежутке торговли бросил он, – нам работники не нужны. Может, старику Ниязи, – и махнул рукой, показывая куда-то в глубь базара. – Иди в самый угол, – напоследок небрежно отослал он чужака.

Константин поплёлся в направлении, куда указал паренёк. В углу базара, в самом глухом его закутке, за огромной кучей первоклассных дынь и арбузов, сидел на корточках, обхватив колени руками и положив на них голову, старикашка. Можно было предположить – это ребёнок, если бы не свисающая между колен скудненькая, но длинная борода.

– Уважаемый! – обратился Константин к сидящему, но тот не пошевелился. Разве что только качнулся вперёд и опять замер.

– Отец! – уже громче позвал Константин.

Сидевший вздрогнул и медленно развернулся вчерашним старцем. Константин произвольно заулыбался старому знакомому. Но лицо старика не изменилось. Он смотрел скорее грозно, нежели приветливо, и Константин стушевался.

– Хочу на работу подрядиться, – начал он неуверенно, внутренне сожалея, что не ушёл сразу: – Обокрали меня. Нужны деньги на обратный билет, чтобы домой вернуться.

– Он плохо слышит, – неожиданно прозвенел юношеский голос за спиной Константина. Рядом стоял торговавшийся паренёк и улыбался. – Что тебе надо? – совсем по-свойски спросил он, сразу переходя на «ты».

– Работа, – сухо ответил Константин.

– На сколько?

– Чтобы хватило на обратный билет... – Константин на секунду задумался, подсчитывая расходы, и закончил: – рублей так, шестьдесят, если кормить будет.

Паренёк быстро пересказал старику Ниязи пожелания незнакомца. Тот слушал без эмоций. Казалось, старик и стоя задремал. Когда паренёк закончил, старик молча отвернулся, сгорбился, чтобы глубже залезть под халат, что-то достал и, повернувшись, также молча протянул паренёку кованный ключ.

– Что-то ты особо не драл горло. Так он глухой или не глухой? – Константин злился, на мальчишку насмехающегося над ним.

– Чего пристал? – паренёк лукаво улыбался. – Глухой, не глухой, кричи, не кричи. Всё равно не понимает по-русски, – он состроил серьёзную мину, но глаза его сохранили некоторую плутоватость.

– Да, пошёл ты... – психанул Константин и, круто развернувшись, направился в ряды.

– Куда ж ты? Постой! Бери ключ, – давась от смеха, паренёк трусил следом. – Он взял тебя на работу. Это ключ от замка, на который заключена арба Ниязи. Пойдём, покажу, – паренёк потянул Константина за рукав, увлекая за собою.

Константин обернулся остатками упрямства, но старика не было уже видно из-за кучи дынь и арбузов. «Наверное, опять скрючило», – съехидничал про себя Константин. И хоть внешне продолжал показывать своё недовольство, внутренне радовался, что нашёл работу.

– У него здесь совсем нет торговли, – скорее подумал вслух, чем решил заговорить Константин, но паренёк тут же ответил:

– Не переживай! Меня зовут Хамза, – представился он. – Если что не понятно – спрашивай. Вон столб, – указал в небо Хамза. – К нему пристёгнута арба Ниязи, – и юркнул в толпу.

Константин направился в сторону виднеющегося над людскими головами столба. Столб оказался с той стороны бетонного забора, которым был огорожен базар. У столба стояло много пристёгнутых арб. «Какая же из них Ниязи?» – почесал затылок Константин. Немного поразмыслив, он принялся примерять ключ к замкам. Увлёкшись поиском нужного замка, Константин и не заметил, как собралась толпа мужчин, пристально наблюдающая за чужаком. Не найдя искомого, Константин собрался перейти на другую сторону, как его крепко схватили и сразу же несколько пар рук обвили его, спеленав. Мгновенно, со всех сторон, раздался резкий истерический крик. Константин попытался было вырваться, но не тут-то было. Руки, как путы, стянулись крепче, и во многих местах появилась жгучая боль от щипков цепких пальцев. Неизвестно, чем бы всё это закончилось, как раздался знакомый мальчишеский крик, пере-

кричавший всю толпу. Вмиг руки ослабли и исчезли. Толпа расступилась. В очередной раз появился его спаситель, базарный паренёк Хамза. И опять вовремя. Он на узбекском языке что-то говорил собравшимся мужчинам, чеканя объяснения каждому в отдельности и для убедительности рассекал ладонью воздух перед их физиономиями. Те слушали, с недоверием поглядывая на незнакомца, и постепенно расходились, бросая косые, недовольные взгляды на толстого малого, по-видимому, он и был виновником недоразумения. Дошла очередь и до него. К удивлению Константина, Хамза, ничего не говоря, отвесил толстому звонкую оплеуху и подмигнул Константину:

– Вот арба старика Ниязи, – указал он пальцем на самую большую арбу, как раз на ту, замок которой не успел проверить Константин. – Пойдёшь по улице, до края Оазиса и через несколько метров упрёшься в баштан Ниязи. Нагрузишь дынь, арбузов и вези на базар. Вот и вся работа, – и опять убежал к своим дыням. Откуда-то из внутренностей базара эхом отозвался голос Хамзы:

– Если что, говори – ты работник старика Ниязи!

– Спасибо, – потирая больные места, шёпотом поблагодарил сразу за всё Константин.

Он знал, где баштан Ниязи. Вспомнил вчерашнюю, неожиданную встречу со стариком, и ему стало стыдно, но Константин быстро успокоил себя: «Подумаешь, съел одну дыню, всё равно пропадут. Кто их будет покупать у него?» Константин перевёл дух и освободил от оков орудие своей работы на ближайшие несколько дней. Сам ключ и, конечно, замок являли собою произведение механического чуда, с которого начиналась, наверное, вся мировая механика. Константин рассмотрел это чудо зари человеческого ума и, обмотав цепь вокруг ручки, пристегнул оба её конца замком, а ключ положил в карман.

День зачинался не спеша. От ночной прохлады не осталось и следа, кроме воспоминаний, которые солнце уже начало выжигать. Константин рассматривал арбу, принаравливаясь к ней, и неторопливо толкал к окраине Оазиса по уже знакомой улице.

Арба старика Ниязи отличалась от остальных большими размерами, выкрашенными в зелёный цвет низкими бортами и очень большими колёсами. Такими большими, что уровень дна приходился Константину выше пояса. Она походила на большой настил из досок, приколоченных к двум тонким жердям. На них-то, собственно, и держалась вся конструкция. Ручка представляла собою грубо отёсанную перекладину, которую прикрепили, наверное, лет сто назад, ещё не гвоздями, а деревянными штырями. За все годы использования натёрта она была до лакового блеска. Даже оставшиеся участки коры и те отполировались. Единственным признаком прикосновения цивилизации были прибитые к колёсам тонкие ленты старых покрышек: «И зачем нужен этот технический прогресс?» – усмехнулся Константин.

На другом конце улицы появился ещё один с арбой. Константин следил за тем, как тот приближался, оценивая: как же они разминутся? Только сейчас Константин рассмотрел улицу. Она была узкой. Колёса арбы проходили, едва не попадая в рыки по обеим сторонам улицы, сбивая листья с кукурузы, попадающей по пути. «Интересно, как они до сих пор расходились?» – озадачился Константин. И уже с интересом ждал встречи. Встречного особо не интересовали сомнения незнакомца. Он резво подкатил и также резво вскинул ручку своей арбы, которая перекинулась и встала «солдатиком». «Надо же, как просто!» – изумился Константин, оторопело остановившись. Привёл его в чувство окрик ожидающего дехканина. Константин быстро последовал примеру встречного, и, хотя ему пришлось повозиться, они легко разминулись своими «солдатиками». Разве что теперь пришлось не толкать арбу, а тянуть!

Константин дошёл до баштана и сел на одну из дынь. Было о чём подумать. «Сколько за такую работу заплатит старик? Зачем везти их, если ещё те не проданы? Если нет продажи, с чего платить будет?» Размышления прервала прибежавшая ниоткуда девчушка лет двенадцати. Её длинные, как смоль, волосы были заплетены в две толстые косы. На голове правиль-

ным прямоугольником примостилась тубетейка. Смуглое личико украшали три ярких круга, два чёрных – глаза, и один алый – бантик губ. По мере того, как она разглядывала Константина, широко раскрывались все три кружочка.

– Ты кто?

– Я работаю у старика Ниязи, – не искушая судьбу, сразу ответил Константин.

Девчушка крутанулась и, что-то крича на узбекском, побежала в сторону посёлка, махая руками. Константин разглядел тёмную голову, выглядывающую над дувалом. Видимо, к ней и бежала девочка. Он следил за происходящим внимательно, поскольку это было единственное проявление жизни. Девочка подбежала к чёрной точке и, скрестив руки на голове, стала что-то рассказывать, мотая всем телом в его сторону. Потом голова исчезла, а девочка развернулась и побежала обратно, разбрасывая в разные стороны косы. Константин встал и принялся грузить дынями арбу, стараясь показать – он работает. Девочка подбежала, села на дыню, на которой сидел Константин, и молча стала наблюдать за работой чужеземца.

Константин собрался в обратную дорогу, но девочка подскочила, и её алый бантик заговорил скороговоркой:

– Куда собрался? Надо ещё грузить. Неправильно уложил. А как тебя зовут?

– Засыпала вопросами, – улыбнулся Константин. – Как же надо укладывать?

– У тебя нет имени? – широко раскрыла глаза девочка.

– Почему нет? – сохраняя шуточный тон, переспросил Константин.

– Ты не ответил, как тебя зовут!

– Константин, – совсем развеселясь, представился он.

– Так вот, дыни надо укладывать по-другому, – наставительно начала девочка.

– Что, у тебя нет имени? – в свою очередь съязвил Константин.

– Почему нет имени? – казалось, девочка ещё шире раскрыла глазки.

– Ты не назвала его, – торжественно произнёс он.

– Ты же не спрашивал, – воскликнула она

– Ладно, – усмиряюще проговорил Константин. – Твоя взяла. Говори, как тебя зовут, и учи, как дыни укладывать.

– Лейла. А укладывать надо горкой.

Пришлось все дыни выгрузить и заново, под руководством Лейлы, уложить. Оказалось, нужно ещё добавлять. Через час на арбе образовалась красивая пирамида из дынь.

– Вот теперь дедушка Ниязи будет доволен, – пропела Лейла, отряхивая ладошки, как после пыльной работы.

– Если не рухнут по дороге, – спокойно заметил Константин.

Кружочки на лице Лейлы расширились до предельной величины:

– Почему они должны рухнуть?

День так и проходил. Константин грузил под лепетание Лейлы арбу дынями, арбузами и отвозил их на базар к спящему Ниязи. Лейлу Константин замечал уже издали. Девочка, в ожидании чужеземца, сидела на высоком дувале, свесив ноги и болтая ими. Едва завидев знакомого арбу, она пропадала с дувала, чтобы вынырнуть между тяжёлыми створками ворот. Её маленькая фигурка, в длинном, до пят, платье, сторбившись, семенила между листьями кукурузы, пробираясь на дорогу, а выскочив, махала обеими руками. Константин отвечал занятой девочке. Затем усаживал её в арбу, и к баштану они добирались уже вдвоём.

В очередной раз, когда Константин привёз и выгрузил дыни, старик неожиданно резво встал и засобирался. Он встал так резво, будто и не спал весь день. Подобрал коврик, на котором сидел, коротко взглянул на своего работника и засеменял к выходу. Рабочий день закончился. Константин пристегнул орудие своего труда к столбу и поплёлся за стариком. Когда они повернули на знакомую улицу, ещё издали Константин стал выглядывать Лейлу на дувале, но

она не появилась. Ниязи зашёл за кукурузу напротив ворот, из которых выныривала девочка, и пропал. Константин последовал за ним. Стараясь не отстать, едва не сбил старика, который в ожидании чужеземца стоял у самых ворот. Войдя во двор, Константин чуть не ахнул. После зноя, желтизны, глины и дыней здесь был настоящий оазис. Весь двор устлан сочной зелёной травой. Как будто и не было этого жутко палящего солнца. В центре двора искрилось водное зеркало бассейна. Три ухоженных карагача, обрезанные по форме зонтиков, сомкнули кроны, спрятав от солнца под своим пологом деревянный настил – дастархан. Сам дастархан походил на сколоченный из досок неправильной формы квадрат, примерно, три на три метра, лежащий на нескольких широких чурбанах. Поверх дастархана, по его форме, лежали ковёр и множество расшитых подушечек. Вдоль правой стены двора вытянулась одноэтажная мазанка, ровно по середине разделённая сквозным арочным проходом, на мужскую и женскую половины. Внутри прохода располагались двери – входы на каждую из половин. Из двери правой половины показался силуэт в чёрном и тут же скрылся. Сразу же внутри мазанки слышались женские и детские голоса.

От увиденного у Константина подкосились ноги. Сил не оказалось даже для эмоций. Он сел тут же у ворот, облокотившись на огромный каменный валун. Старик Ниязи, измерив чужака пристальным прищуром, закрыл ворота на деревянный засов и заковылял в дом. Константин проводил отрешённым взглядом чудаковатого старика, запустил руки в прохладную траву и закрыл глаза в блаженстве. Как мало надо человеку!

Ни о чём не думалось. Солнцепёк высушил все думки. Хотелось просто посидеть с закрытыми глазами. Но так уж устроен человек – всё равно думается. Сочная зелень, прохладная трава, бассейн с водой – всё это восстанавливало силы. В голове поплыли картинки воспоминаний. Они разогнали мысли, и, само собою, задумалось легко и ясно! Константин не спал, но сознание его улетело далеко на родину. На прекрасную Кубань! Как там сейчас?

Резкая боль в щиколотке правой ноги вернула Константина в действительность. Он очнулся и оторопело осмотрелся. Старик Ниязи сидел на корточках у его ног и двумя гаечными ключами затягивал гайки на металлическом хомуте. Константин рванул ногу, лягнула цепь, но старик не сопротивлялся. Весь его вид говорил: работа сделана. Константин находился в замешательстве ещё некоторое время, переводя взгляд с ноги на спину удаляющегося старика, и пришёл в себя, когда спина Ниязи скрылась в тёмном проёме мазанки за дверью левой половины. Он только теперь рассмотрел камень, у которого сидел. Это был огромный валун, с вклиненным в него металлическим стержнем, с приваренной к концу примерно двадцатиметровой цепью, на которой и сидел теперь он. Константин в отчаянии попробовал цепь на прочность и откинулся на камень, закрыв глаза.

«Дурдом! Двадцатый век! Через несколько дней ракета летит в космос. А я на цепи сию!»

Старик Ниязи расположился в тени карагачей. Он долго мостился, укладывая своё тело удобнее. Из мазанки выскочила женщина в чёрном платке и лёгкой накидке, прикрывающей лицо. Она помогла старику, подкладывая подушки со всех сторон, и так же быстро убежала, когда тот устроился. Ниязи вскорости задремал.

Через некоторое время из мазанки опять показалась эта же женщина. Константин запомнил её по одежде, обшитой жёлтым узором по краям. Она несла большое блюдо с высокой горкой дымящегося оранжево-жёлтого плова. Следом вышла ещё одна женщина, в очень длинном, отдающем синевой платье до самой земли. В её руках раскачивался большой фарфоровый чайник, она несла и несколько пиал с замысловатыми рисунками. Едва Константин успел разглядеть этих женщин, вышла ещё одна – в коричневом платье чуть ниже колен. Женщина в коричневом несла на перевес большой, плоский, широкий лаваш. Все женщины были наглухо повязаны платками цвета платьев и с прикрытыми лицами, так что видны были только глаза.

Накидки свисали свободно. При лёгком ветерке можно было бы рассмотреть лица, но ветерка не было. Всё принесённое женщины расставили перед спящим стариком и тихо удалились. Как ни склоняли они головы долу, но всё-таки каждая повернулась в сторону чужеземца. «Во, даёт старикашка! – ухмыльнулся Константин. – Три жены! Везде советская власть, а у него гарем и... я на цепи». – Он глянул на цепь и скривился от досады.

Ниязи ещё некоторое время дремал. Когда же проснулся, то не спешил шевелиться. Всё осмотрел и, оставшись, видимо, доволен, приподнялся, сначала опершись на локоть и затем на вытянутую руку. Потом долго смотрел на чужеземца и махнул рукой, приглашая к столу. Константин нарочно отвернулся, следя краем глаза за стариком. Ниязи махнул ещё раз, но Константин притворился как будто не видит. Тогда тот громко кашлянул:

– Кхе!

Константин продолжал сидеть неподвижно, для пушего самообладания положив голову на сложенные руки. Тогда из мазанки крикнули, прекрасным юным голосом:

– Чужеземец! Ступай кушать плов, – голос прервался так же неожиданно, как и появился.

Константин успел заметить мелькнувший в дверном проёме тёмный силуэт. Также заметил, как сверкнули глаза Ниязи, и в душе позлорадствовал: «Вот старпёр! Завёл себе молодых жён и развалился...» Константин поднялся одним прыжком. Цепи, оказалось, хватало, чтобы ходить по всему двору, но не доставало её до жилища.

– Руки где помыть? – протянул он руки старику Ниязи.

Старик, принявшийся уже за еду, бросил короткий взгляд в сторону мазанки и продолжил есть. Тут же, как по команде, одна из женщин вынесла медный таз с тёплой водой. «Худенькая. Ручки, как игрушечные, – рассматривал Константин женщину. – Постой! Эта не одна из тех троих. Пальчики просвечиваются. Ёлки... Так она совсем ещё ребёнок! – изумился Константин. – Наверное, дочка», – придумал он сам себе успокоение. Вешая ей на плечо полотенце, Константин не удержался и спросил:

– Ты дочка Ниязи?

Девочка хихикнула в ответ, схватила таз и убежала. Прямо с порога она принялась что-то восторженно тараторить на своём языке. Из мазанки ей ответил недовольный басок одной из женщин, но ещё некоторое время раздавался девочкин звонкий говорок. Ей не ответили. По крайней мере, Константин не услышал других голосов. Зато старик зло уставился в сторону мазанки, и, когда голос утих, опять уткнулся в еду.

Ели молча. Плов лоснился жиром. Скрюченные пальцы Ниязи ловко собирали рассыпчатые рисинки в кучку и, слегка придавив, отправляли в рот. Как ест плов старик Ниязи, можно было любоваться. С непривычки у Константина не получалось есть руками. Он намыливал на горке плова дырок. Жутко нервничал, облизывал пальцы, чтобы избавиться от жира, который растекался по всей руке, и поглядывал на старика. Но Ниязи не обращал внимания на художества чужеземца. Собрав очередную кучку, отправлял в рот. Жир стекал по ладони, по руке, за рукав нательной рубахи. Когда же рука опускалась за очередной порцией, то жир, стремительно возвращаясь, по мизинцу скатывался до самого плова, вот-вот вернётся в плов, но старик к этому времени успевал сгрести новую кучку и поднимал её, чтобы отправить в рот. Обновлённый жир опять устремлялся за рукав. И так раз за разом.

Каждый ел со своего края блюда. Константин мучался, но улыбка не сходила с его лица до конца ужина. Ниязи же ел без эмоций и методично, спокойно, не обращая внимания на весёлое настроение работника. Он только один раз запнулся, поджав в узкую полоску губы с полным ртом плова. Старик зло посмотрел на работника, но тут же и успокоился. Ужин продолжился в том же режиме.

Жирный плов запили солоноватым зелёным чаем. Старик Ниязи налил себе на треть горячего напитка и смачно потянул, прилипнув жирными губами к пиале. Константин последовал его примеру, пил, обжигаясь, но не издавая ни единого звука. Ниязи, широко раскрыв

глаза, внимательно посмотрел на чужеземца. Только теперь Константин понял, старик зорко следит за ним, не только поглядывая, но и прислушиваясь к каждому звуку. Не услышав ожидаемого смачного сёрбанья, Ниязи тут же поднял голову, как тот верблюд, и глаза его удивлённо расширились, выставив напоказ старческие бельма. Константин, в свою очередь, принял равнодушный вид, в душе восхищаясь стариком: «Вот, лис!» Ниязи начинал ему нравиться.

Пожинав, Константин коротко поблагодарил и занял своё место у камня. Старик Ниязи громко откашлялся и сыто распластался. Тут же выскочили две женщины – прибрать. Женщина в коричневом платье стояла на пороге мазанки, принимая посуду. Дождавшись, когда приберут, вышла опять девочка, с большим парящимся тазом. Она была на голову ниже всех. Константин сразу узнал её. Девочка неестественно сгибалась под тяжестью ноши, и всё время обращала своё прикрытое лицо в сторону чужеземца. На плече у неё висела сменная одежда. Она поставила таз перед стариком. Рядом положила свежий халат, стопку белоснежного белья и быстро убежала, в дверях хихикнув. «Девчушка совсем», – уверился в своих предположениях Константин.

Старик всё делал не спеша. И в этот раз он ещё немного полежал, затем встал, снял халат, нательную рубаху, всё скинул у дастархана. Долго обливал дряблое тело горячей водой. Отжал бородёнку и оделся в чистое. Тут же выскочили две женщины и всё убрали. Ниязи сел на коленки и, глядя в небо, приступил к молитве. Это был последний, пятый, вечерний намаз. Продолжался он недолго. Закончив его, Ниязи принялся опять умащиваться, чтобы улечься поудобнее. Выбежала женщина и покорно стала подкладывать подушку за подушкой. «Похоже – это старшая из жён, – Константин уже начал распознавать женщин по одежде. – На этой штанишки и платье расшиты по краям жёлтым узором. Полноватая фигура выдавалась под одеждой. Постой, постой, это же золотом расшито! – осенила догадка Константина. – Вон, даже рукава в золоте. И колец – на каждом пальце!»

Старик наконец-то улёгся и тут же засвистел в сладком сне. Для него прошёл ещё один день.

Константин погрустнел. Предстояла вторая ночь на чужбине. И если первая – была в сладость, то вторая навевала грусть. Приходящая ночь несла прохладу, а может, и холод. Камень ещё грел. Константин прижался всей спиной к нему, закрыв глаза, и унёсся мыслями домой – в соседний мир цивилизации! Вспомнилась Лена...

Константин не услышал, как к нему подошли. Открыл глаза оттого, что кто-то мягко наступил на ногу. Перед ним стояла одна из женщин Ниязи. Она поставила всё тот же медный таз и с интересом разглядывала чужестранца, ожидая, когда тот откроет глаза. «Платок и лёгкая накидка на лице. Глаза совсем молодые. Эта, наверное, вторая жена, – рассматривал Константин женщину. – Судя по рукам, не старая ещё. Одета тоже богато. Фигуры совсем не разглядеть. Платье цвета вороньего крыла, до самых пят. Даже не видно, что под ним. Богатыми, чёрными кружевами обшиты края платья и манжеты. Все пальцы тоже в золотых кольцах. Вот тебе и дедушка!» – восторженно заключил образ Константин, посмотрев на спящего Ниязи.

– Как твоё имя? – спросил он женщину, не отрывая взгляда от старика Ниязи и стараясь показать своё равнодушие.

Женщина молча положила рядом махровое полотенце и, как тень, склонив голову, удалилась, не ответив. После неё остался только аромат эфирных масел. Длинное платье прошелестело по траве, не открыв любознательным, что же под ним и во что хотя бы обута хозяйка. Помедлив, Константин потрогал воду и быстро разделся. Горячая вода – это был первый радостный миг за весь день. Вдоволь наплескавшись, он обтёрся докрасна полотенцем и оделся. Что-то его встревожило, и он огляделся, ища это что-то. Всё было обычным. Рука произвольно потянулась к полотенцу, и Константин понюхал его. Вот что. Полотенце отдавало прекрасным ароматом. Он усмехнулся.

Стоило ему закончить умываться, как тут же вышла вторая жена, и всё унесла. За ним наблюдали так же, как и за стариком, а может быть, и ещё пристальнее. Он – чужак! Константин почесал затылок, потянулся во весь рост и вернулся к камню. Едва он закрыл глаза, как опять слабо наступили ему на ногу. Перед ним снова стояла вторая жена и рукой приглашала следовать за нею.

– Что ещё? – Константин встал и нехотя поплёлся за женщиной. Она подвела его к дастархану и указала на свободное место. Дастархан был уложен так, что могли спать двое. Старик мирно посвистывал на одной половине. Вторая же половина была приготовлена для него.

– Нет, нет, – улыбнулся Константин, – не стоит. Я там, у камня.

Женщина покорно склонила голову и настойчиво указала рукой на приготовленное место.

– Спасибо. Нет, – отрезал Константин и направился к камню. Женщина ещё раз указала рукою, приглашая лечь. Он уже отмахнулся не глядя. Приученная к повиновению, она подчинилась. Когда Константин сел у камня, двор был уже пуст.

Ночью похолодало. От бассейна тянуло промозглостью. Плюнув на все условности, Константин забрался под ватное одеяло, рядом со стариком и, согревшись, уснул.

Дни проходили монотонно. Константин возил дыни, арбузы, сгружал на кучу Ниязи, которая только пополнялась и нисколько не уменьшалась. Старик весь день сидел на корточках и дремал. От дремоты он отвлекался только для очередного намаза. «Как он только угадывает, когда надо проснуться?» – удивлялся Константин.

– Слышь, Хамза! Как старик узнаёт, когда время молиться? – решил спросить у паренька Константин, в очередной свой приход.

Вместо ответа Хамза воздел палец к небу и хитро улыбнулся. Уже вдогонку крикнул:

– Приходи к нам вечером, кое-что тебе покажу.

– Что ты можешь мне показать, – не останавливаясь и не скрывая раздражения, огрызнулся Константин.

– Подожди, Костя! – Хамза догнал Константина и пошёл рядом. – Познакомишься с моими друзьями. Что ты всё один да один.

– Вечерами Ниязи меня на цепь сажает.

– Как сажает? – рассмеялся Хамза, но, заметив, как изменилось лицо Константина, тут же просительно, как-то извиняясь за странности Ниязи, добавил: – Не обижайся. Понимаешь, ты чужак, а в доме женщины...

– Да, ладно... – Константин пожалел о сказанном. «Теперь весь Оазис узнает про цепь».

– Так придёшь? – не унимался Хамза. – Узнаешь наши обычаи. Посмотришь, как мы живём.

– Отстань. Не хочу я знакомиться с вашими обычаями, тем более с тем, как живёте. С меня Ниязи вот так хватает, – для убедительности Константин провёл ладонью по горлу.

– Зачем же ты к нам приехал? – не смог скрыть своего удивления Хамза.

– Ну, уж точно не на цепи посидеть! – вспыхнул Константин. – Я не к вам приехал, – справляясь с эмоциями, с грустью в голосе заговорил Константин: – Вы меня не интересуете. Я приехал Кара-Кумы посмотреть. Планировал переход совершить через них.

– Самому! – воскликнул Хамза. – Ты собрался один пройти через Кара-Кумы?

Константин остановился, подозрительно взглянув в лицо паренька. Но Хамза не разыгрывал удивления, и Константин растерялся, не зная, что ответить. Продолжать разговор или сказать, что пошутил?

– Кара-Кумы – это смерть! Ты ищешь смерти! – неожиданно воскликнул Хамза, замахав руками, и его лицо исказил ужас.

– Тихо ты, – Константин, испуганно озираясь, схватил Хамзу и притянул к себе. – Пошутил я, пошутил. Не ищущ смерти. Посмотри на меня! Разве я похож на того, кто ищет смерти? Хамза, беззвучно раскрыв рот, закивал, но ужас не сходил с его лица.

– Я случайно к вам попал, – соврал Константин, чтобы успокоить паренька. – Ехал на Тянь-Шань и вот попал...

– На Тянь-Шань зачем ехал? – быстро переспросил Хамза, сдвигая брови.

– Понимаешь... Мы с товарищем каждый год ходим в горы. Намечаем сложный маршрут и преодолеваем его. В этом году планировали через Кара-Кумы пройти и потом махнуть на Тянь-Шань. Там тоже запланированы два восхождения.

– Это худой переход, – опять замахал руками Хамза. – Где же товарищ твой?

– Не смог он, – с грустью ответил Константин.

– Зачем это тебе? – Хамза продолжал вглядываться в лицо Константина.

– Что зачем? – сразу не понял вопроса Константин.

– Тянь-Шань, Кара-Кумы... маршруты...

– А это... Проверить себя, – какая-то неуверенность засквозила в голосе Константина. – Вот ты живёшь в этих условиях, и тебе не понять. Я живу в большом городе, и мне нужен такой стресс, чтобы весь год чувствовать себя в форме. Я совершаю восхождение на шеститысячник и весь год чувствую себя выше всех ровно на шесть тысяч метров, – Константин посмотрел на Хамзу. Выражение лица паренька сменилось с тревожного на глупое, не понимающее, и Константин, в какой раз, пожалел о сказанном. – Ладно, ступай.

«Надо же какое лицо!», – восхищался Хамзой Константин, толкая арбу на баштан.

Остаток дня Константин работал без остановки. Когда приходил на базар, старался не смотреть в сторону Хамзы. Хамза же, напротив, издали высматривал работника Ниязи и провожал взглядом, пока тот не скрывался. С этого же дня насмешки со стороны других работников уменьшились. Константин понимал – это заслуга Хамзы. Что он им рассказал, можно лишь догадываться, но всё равно здорово.

Провожала старика Ниязи на работу всё время одна и та же женщина в платье расшитом золотом. Она тенью выходила из мазанки и шла следом за уходящими мужчинами. У самых ворот протягивала Константину узелок. Единственный раз, когда она могла смотреть на чужака дольше обычного. Подёрнутые лёгкой паутинкой, но ещё выразительные глаза застывали, не моргая, в чёрном ободке бровей и ресниц. «Где-то до тридцати пяти лет», – предположил Константин.

Первый раз Константин попытался отказаться, но она ткнула узелок ему в руки и, отвернувшись, быстро ушла. Константин успел разглядеть её пухлые руки. По всему чувствовалось, старшая жена – она! Каждое утро Константин получал из этих рук узелок. В нём ничего особенного не лежало, один толстый лаваш, надрезанный пополам. В образованный надрез вложены несколько шариков курдючного сала. Это и был его обед. В узелке обязательно лежали кристаллы соли и склянка с чистым спиртом.

– Зачем спирт? – на третий день, принимая узелок и заглянув внутрь, Константин решил спросить.

Женщина посмотрела на Ниязи. Тот что-то посоображал, потом едва заметно кивнул ей. Женщина склонила голову, принимая согласие мужа к исполнению, и пояснила:

– Когда перестанешь потеть, выпей.

– Зачем? Я не пью.

– Жара для тебя, чужеземец, погибельна. Нет пота, значит – сердце останавливается. Спирт запустит его, кровь разгонит, – слегка поклонившись старику, словно извинившись за излишнюю своевольность, женщина удалилась, придерживая подол.

Ниязи стоял к ним спиной. Когда же разговор закончился, он зыркнул на Константина и пошёл вперёд, помогая себе взмахами руки, спереди за спину. Константин шёл следом и про себя поблагодарил заботливую женщину.

Обедал Константин курдючным салом с лавашем и дыней, заедая обед арбузом. Слянку со спиртом затыкал за пояс, чтобы быстро достать и выпить, но пока спасительный напиток не требовался. Небольшой осколок соли клал на язык и принимался за работу. Потел Константин основательно. Так что вечером можно было с рубашки соль соскребать. Но утром рубашка ждала его чистой и отутюженной.

Баштан старика Ниязи окружала изгородь из срезанной верблюжьей колючки, и казалось, он не имел границ. Правда, Константин ни разу не пытался обойти его. Выглядывая в пустыне дальний край баштана, он не переставал удивляться, откуда столько набрали верблюжьей колючки, чтобы всё это огородить? Разгадка объяснилась сама собою. В очередной раз, расположившись на обед, Константин обратил внимание на многочисленные, торчащие из земли то тут, то там сухие стебли. Вся плантация состояла из таких стеблей, рассечённых пополам. Те, что видел Константин, просто засохли и не использовались, а остальные служили человеку. В рассечённый стебель растения пустыни изобретательный человек закладывал пророщенное семечко дыни или арбуза, которое пускало корень внутрь стебля. Корни верблюжьей колючки, уходящие глубоко под землю, к самым далёким подземным источникам, питали влагой нежное растение – подсадыша. Такой простой оказалась разгадка богатых урожаев старика Ниязи.

Константин работал без устали от рассвета до заката. Узбеки-дехкане, кучкующиеся на базаре, поначалу посмеивались над бледнолицым тощим, но жилистым молодым человеком, работающим без отдыха. Затем старались не замечать не нужного им рвения чужеземца. И когда хозяева начали подгонять их, праздно болтающихся, ставя в пример чужака, то поглядывали уже с ненавистью. Константин чувствовал меняющееся к нему настроение «братьев по работе». Слышал издевательские реплики в свой адрес и в тайне благодарил провидение, что не понимает сказанного. Как бы закончилось дело, понимай он всё, Константин и сам не мог предсказать.

Четвёртого дня, второй недели, когда Константин прикатил очередную арбу, его окликнул, свистнув на всю округу, Хамза. «Мальчишка», – усмехнулся Константин и не стал оборачиваться. В поддержку Хамзе сразу же загалдели перекуруивающие работники, отпуская очередные шуточки.

– Костя! Привет! – поздоровался Хамза, не обращая ни на кого внимания.

– Чего тебе? – остановился Константин.

– Не сердись на них, – примирительно заговорил Хамза. – Тебя никто не тронет. Ты работник Ниязи. Старик тобою доволен.

– Ты за этим меня позвал?

– Отец ругался, что я тебя отправил тогда. Нам тоже такой работник пригодился бы.

– Пошёл ты... – Константин хотел ещё добавить пару слов, но удержался и покатил арбу дальше, покрикивая на зазевавшихся покупателей.

– Куда пошёл? – развеселясь, позвал Хамза и быстро затараторил вдогонку. – Старик Ниязи велел тебе передать, чтоб эту арбу разгрузил у меня и больше не возил на сегодня. Ступай домой!

Константин дотолкал арбу к месту Ниязи и обалдел от увиденного. Место старика пустовало, не было ни огромной кучи, ни самого Ниязи. Как ни злился Константин, пришлось толкать её обратно. Хамза встретил его широкой улыбкой.

– Я же тебе кричал. Куда пошёл?

– Где старик? – злясь, буркнул Константин.

– Приехали из города и забрали весь урожай. А ты переживал! – Хамза задорно хлопнул Константина по плечу, но тому было не до шуток, и он спокойнее добавил: – Ниязи поехал зачем-то с ними в город. Велел тебе домой идти.

– А что дома?

– Отдыхай. Подстричься бы тебе надо.

– Как-нибудь без тебя решу, когда мне стричься. Куда разгружать?

– Иди, – никак не мог унять смех Хамза. – Я сам разгружу. Арбу тоже пристегну. Завтра найдёшь, – он ловким движением провёл по волосам Константина и, держа закрытый кулак, спросил: – Угадай, что в руке?

– Ещё раз так сделаешь, в морду дам.

– На, смотри, – Хамза разжал кулак, и Константин успел заметить слетевших пару точек.

– Что это?

– У нас это обозначает богатство, – продолжая улыбаться, пояснил Хамза. – Чем больше этого, тем больше денег, значит. В твоём мире – это называется вшами. Тебя надо стричь, а то они у тебя уже колированные, – Хамза заразительно рассмеялся на весь базар. Не удержался и Константин, но больше от горечи. Голова, и правда, последнее время чесалась не на шутку. Он отдал Хамзе ключ и, ничего не сказав, отправился домой. Разговор о вшах и увиденные насекомые теперь терзали всё тело. «Как я не догадался сам?» – размышлял он по дороге и, почёсывая затылок, рассматривал содранные запёкшиеся кровавые корочки под ногтями. После разговора с Хамзой казалось, вши ползали по всему телу.

Дома его уже ждали. Из дверей выглянула чёрная голова и, скрывшись, подняла галдёж. Константин прошёл через весь двор и сел на дастархан. Впервые не уставшим рассматривал он внутренний двор. Всё было таким же, и ничего не изменилось, разве что не пристегнули цепь. Одинокий камень показался старым и уставшим от долгого лежания. Чего он только не повидал на своём многовечии...

Нет, всё-таки кое-что произошло. Старшая жена не вышла. Еду вынесли вторая и третья жёны. Затем девочка, изгибаясь, принесла полный таз с горячей водой – умыться.

– Сколько тебе лет? – впервые почувствовав себя свободным, спросил Константин.

– Двенадцать, чужестранец, – прощebetала девочка. В отсутствие Ниязи она позволила себе задержаться и бесстыдно разглядывать чужака.

– Так ты дочка Ниязи? – с какой-то надеждой спросил Константин.

Из мазанки её окликнули, заметив не простительную своевольность.

– Нет. Четвёртая жена, – звонко прокричала девочка, убегая.

В мазанке слышались бубнящие голоса упрёков и звонкий голос девочки, огрызающийся старшим жёнам.

С полотенцем в руках вышла вторая жена. Она тоже позволила себе вольность, остановившись ближе обычного. Константин заметил это и улыбнулся, прямо глядя на женщину. Женщина стояла, потупив глаза долу, ожидая, когда мужчина умоется. Забирая таз, тихо сказала:

– Она ещё ребёнок.

– Для чего ребёнок? – усмехнулся Константин.

Есть не хотелось. Константин поковырялся в еде, выпил чаю и откинулся на расшитые подушки. Бурно жестикулируя и что-то крича, тут же выбежала старшая жена. Она не отходила далеко от мазанки. Следом выскочили остальные жёны посмотреть, что произошло. Константин, подняв голову, смотрел за неожиданным выбросом эмоций женщины. Ему передалось возбуждённое состояние старшей жены, и он дико рассмеялся. К нему подошла вторая жена и тихо пояснила:

– Тебе не надо ложиться на подушки Ниязи.

Константин, едва сдерживая истерический смех, подвинулся. Старшая жена, что-то громко недовольно выговаривая, скрылась.

– Ты такая красивая, – бросил Константин вслед удаляющейся второй жене. Только по дрогнувшей походке он понял, – она услышала, и улыбнулся. – Мне бы подстричься, – вспомнил про вшей Константин, но женщина не ответила. Снова всё зачесалось.

Спустя некоторое время она вышла с табуреткой и чёрной пол-литровой кружкой. Женщина остановилась, глядя в землю, словно о чём-то задумавшись, но стоило Константину приподняться на локтях, наблюдая за происходящим, склонила голову набок, приглашая работника следовать за собою. Константин едва сдержал новый приступ смеха. После предыдущего неожиданного взрыва эмоций он ещё находился на грани приподнятого настроения. Он вскопчил с дастархана и самой любезностью последовал за женщиной. У Константина созрело сильное желание разговорить молчунью.

Между мазанкой и дувалом оказался узкий, ухоженный проход. В землю набит речной булыжник. Вдоль натянуты верёвки, похоже, для сушки выстиранного белья. Дувал и стену мазанки здесь вымазали до идеальной гладкости, как для жилья.

– Ещё одна тайна Ниязи, – присвистнул Константин.

Женщина поставила по центру табуретку и указала на неё. Под табуретку ногой задвинула кружку, чёрную от сажи.

– Зачем это? – садясь, поинтересовался Константин, с интересом наблюдая за действиями женщины.

Женщина молча достала механическую машинку для стрижки. Глянув на ещё одно эхо прошлого, Константин иронично заметил:

– Ну, да, откуда взяться парикмахерская. Что в кружке?

– Гас, – тихо ответила женщина.

– Что это такое? – удивился Константин, поднял кружку и понюхал. – Солярка, что ли?

– По-вашему, керосин.

– Это ещё зачем?

Разговор прервала пришедшая девочка с тазом и сложенной махровой простыней. Она собралась посмотреть, но женщина грубовато отослала её:

– Принеси воду. Сними рубашку и садись, – обратилась она уже к Константину.

– Двадцатый век! – воскликнул Константин, подчиняясь.

Девочка быстро вернулась с большой кастрюлей горячей воды. Она попыталась остаться, но женщина что-то сказала по-узбекски и та, надув губы, убежала. Напоследок выглянула из-за угла и скривила рожу. Константин рассмеялся.

Женщина стригла профессионально. Волосы прядями падали на брусчатку. Особенно больно было, когда она стригла затылок. На затылке уже образовались раны. Машинка то и дело разрывала очередную ранку, начинала сочиться кровь, и женщина обтирала её тряпочкой, смоченной в керосине. Закончив стричь, она налила в таз воды, намочила тряпочку в керосине и принялась протирать всю голову.

– Тихо, тихо, – крепко схватил её за руку Константин. – Щиплет. Ты мне хочешь голову сжечь?

– Наклонись, – мягко попросила она.

Запахло шампунем.

– Надо же! В этом мире есть ещё и шампунь, – иронично пропел Константин, склонившись над тазом. – Какое соседство – замок из каменного века, машинка допотопная, керосин, ракета, шампунь, вши... – Константин пристально посмотрел на женщину и тише добавил: – И красивая женщина на краю света. – Женщина смотрела, не мигая, и можно было только догадаться, – она покраснела.

Константин помыл голову и обмылся по пояс. Женщина помогала, обливая мужчину из фарфорового кувшина. Она ловко обернула махровую простыню вокруг его тела, а он не спеша обтирался, так и стоя замотанным.

Константин почувствовал на талии прикосновение тёплой руки и обернулся, теряясь от представшего его взору. Перед ним стояла обнажённая по пояс вторая жена Ниязи. Ему открылась тайна красивой молодой женщины. В ней были знакомыми только глаза. Лицо оставалось прикрытым. Белое, не знающее солнца тело, лоснилось возбуждением. Упругую, красивую грудь с розовыми сосками портили только белизна и сетка синих вен. Она вздымалась желанием и покачивалась литыми, не тронутыми формами.

– Ты с ума сошла, – зашептал Константин, срывая с себя простыню, и накидывая ей на плечи. – А если кто-то придёт?

«Наконец увидел её штанишки», – вдруг отметил про себя Константин.

– Не придёт, – дрожащим голосом прошептала женщина. Её рука нервно сжимала талию мужчины, глаза горели тревогой, замешанной на страхе. Он хотел что-то сказать, чтобы остановить, отговорить её, и со всей искренностью взял под локоть, для убедительности своих слов. Женщина по-своему истолковала этот жест и обессилено упала в его объятия.

– Я не могу, вот так... – растерялся Константин, оглядывая голые камни. – Не на камнях же...

– Глупый ты... – страстно шептала женщина. Заговорив, губы её словно ожили и стали хватать, целовать мужское тело прямо вместе с накидкой. Константин едва мог удерживать распалюющуюся женщину. Неожиданно она развернулась, прижимаясь спиной и закинув голову на плечо Константина. Константин, оборачиваясь, едва успевал и следить, чтобы никто не пришёл, и удерживать в объятиях обезумевшую от страсти женщину. Крепко держа его за пояс одной рукой, другой она потянула за шнурок и фуляровые* штанишки свалились, обнажая хозяйку перед всевышним. Безумство женщины начало передаваться и Константину. Он перестал поглядывать на вход. Обнажённое, разгорячённое женское тело он уже ощущал и через брюки. Крупная грудь страстно налилась в его руках, упираясь прохладными, твёрдыми сосками в ладони. Где-то в далёком сознании он отметил, как чьи-то живые пальцы пробежали по его обнажённому телу. Одурманенный страстью, он едва не свалился, стреноженный упавшими брюками, но женщина успела опереться о стену, принимая мужчину красивыми формами молодой фигуры. Его руки почти сомкнулись на извившейся, тонкой талии. Её разгорячённые, крутые бёдра напряглись, и когда Константин с силой притянул их к себе, обдаваемый жаром страсти, женщина истомно застонала, запрокидывая голову и хватая воображаемый образ губами. Где-то в боковом зрении мелькнул выглянувший из-за угла и быстро скрывшийся чёрный платок, но уже ничто не могло вмешаться... «Может, показалось?» – только и мелькнуло в сознании. Но только мелькнуло!

Константин сидел на табурете с опущенной головой. Женщина быстро оделась, как будто ничего и не произошло, собрала всё и также быстро ушла. Сколько он так просидел, Константин не смог бы сказать. Неожиданное прикосновение тёплой руки отвлекло его от тяжких раздумий. Он желал, чтобы она вернулась и потянулся к руке прильнув к ней щекой. Тут же подскочил. Перед ним стояла девочка.

– Чего тебе? – прикрикнул на неё Константин. – Почему не на базаре?

– Никто не смеет на меня кричать, кроме Ниязи, – огрызнулась девочка и уже увереннее добавила, – Я уже вернулась, – девочка смотрела на Константина с какой-то злобой.

Не успел Константин опомниться, как она обошла стул и вцепилась в его талию.

– Ты чего? – попытался он отцепиться от девчонки, но она держалась крепко.

– А я всё расскажу Ниязи, когда он вернётся, – глядя с вызовом, тихо сказала она.

– Что ты расскажешь? «Значит, не показалось», – мелькнуло в голове. Константин едва сдержался, но его обдало холодным потом. Он представил, во что ему всё это выльется, если узнает Ниязи.

– Всё! Чем вы занимались с Зуби?

– Чего тебе надо? – Константин быстро соображал, что делать. Свернуть шею этому цыплёнку ему не составляло труда, но куда потом? Пока размышлял, не заметил, как девочка расстегнула сверху платье, спустила его до пояса и поднялась на цыпочки, приноравливаясь прижаться к нему.

Она полностью старалась подражать Зуби. Её детские груди едва вырисовались и просто торчали нахальными сосками, с несколькими волосинками вокруг. В какой-то момент, как показалось Константину, она даже испугалась – так созревала в девочке настоящая женская страсть, но сама она ещё этого не понимала. Девочка прижалась. Её руки непроизвольно опустились, и, сама того не ожидая, она схватилась за что-то, для неё не знакомое... Константин почувствовал прикосновение к влажной ткани сжатой цепкой ручонки. Он наблюдал за происходящим и чуть не рассмеялся, когда девочка неожиданно замерла, соображая, за что же она взялась... Посмотрела на руку, понюхала, соорудив гримасу, обтёрла её об Константина, брезгливо оттолкнулась:

– Фу, какая гадость! – выпалила она и убежала, поправляя платье на ходу.

*Фуляр – мягкая, лёгкая шёлковая ткань, из которой шьют в азиатских странах женскую одежду. Очень дорогая ткань.

«Я бы поспорил, но не буду, – ухмыльнулся Константин, посмотрев вниз на успокаивающуюся страсть. Теперь, похоже, он был в безопасности, – Легко отделался. Так её зовут Зуби! – Константин протёр место, об которое вытерлась девочка, и тоже понюхал руку. – Ну, вот. Теперь буду пахнуть ею».

Старик вернулся к ужину. Он молча прошёл к достархану, и каждодневная процедура началась. Ужинали, как всегда, молча. Константин чувствовал, старик чаще обычного посматривает на него. Константин замедлял движения и старался есть медленнее, но есть хотелось, против обычного, очень сильно. Поужинав, Ниязи умылся и ушёл в мазанку. Из мазанки он долго не появлялся и Константин забеспокоился.

Константин сидел у камня не пристёгнутый и наблюдал за чёрным входом. За пологом слышались ровные голоса мирно разговаривающих людей. Необычным было только то, что старик, впервые за две недели, после ужина проводил время в мазанке, а не заснул. В какой-то момент Константин даже устал нервничать, и на него напало какое-то бесшабашное равнодушие. Уже стемнело. Константин, не дожидаясь старика, улёгся и закрыл глаза: «Будь что будет», – пульсировало в голове. Уже засыпая, почувствовал, как к его ноге прикручивают металлический хомут. «Прикручивай, прикручивай, мы с тобой уже как родственники, – сквозь дремоту усмехнулся Константин. И уже через секунду почувствовал, как Ниязи перелезает через него на своё место. «Надо же, какой лёгкий, – удивился Константин. – Лезь, лезь родственничек... Вот уж поистине – в сексе все родственники!»

Первая за прошедшую неделю ночь выдалась душной. Во сне старик скинул на Константина одеяло, и тот проснулся весь потный. Оба ватных одеяла он отправил на траву, но это не помогло. Тогда Константин потихоньку встал, прошёлся по двору, стараясь меньше бряцать цепью, и подошёл к бассейну. Зачерпнув пару жменей воды, он смочил лицо. Константин знал, из бассейна набирали воду для еды, но от него так тянуло прохладой... И он не выдержал. Быстро снял с себя одежду и медленно опустился по плечи в студёную воду.

– Кхе-кхе, – раздалось неожиданно над самой головой.

«Тьфу, ты», – Константин пулей вылетел из бассейна. Перед ним стоял Ниязи. Даже в темноте Константин рассмотрел суровый, огненный взгляд старика.

Обидно было другое. Всё равно не помогло. Остаток ночи прошёл в душевных мучениях. И совести.

Утром никто из женщин не вышел. Собрались на работу, не завтракая. На обед тоже не приходилось рассчитывать. Никто не вынес ему знакомый узелок. Всю дорогу Константин гадал: «Когда старик успел рассказать женщинам? Или женщины сами всё видели?» Ему было стыдно.

В поле прибежала Лейла и совсем расстроила, сообщив, что сегодня её увозят в город. «Хоть какое-то общение, – с грустью подумал Константин. – Неужели всё из-за этого проклятого случая с бассейном?» Лейла натараторила и убежала, разбрасываясь в разные стороны многочисленными чёрными косичками.

Работу закончили раньше обычного. Старик Ниязи ушёл, не дождавшись работника. Когда Константин выгружал дыни, подошёл Хамза:

– Ниязи пошёл домой. Велел и тебе идти.

Константин внимательно всматривался в выражение лица мальчишки, угадывая, знает ли он о ночном происшествии, но тот передал и ушёл, махнув на прощание.

Константин пристегнул арбу и вернулся на базар.

– Слышишь, Хамза! – позвал он паренька.

– Чего? – откуда-то из-за дынной кучи отозвался тот.

– Эта, в золотых одеждах – старшая жена Ниязи? – Константин не мог никак понять по поведению Хамзы настроение вокруг него и последствия ночного происшествия, и решил во что бы то ни стало разговорить паренька.

– Странный ты какой-то, – вынырнув, Хамза пристально посмотрел на Константина. – Я же приглашал тебя в гости. Хотел рассказать о наших обычаях.

– Да, ладно тебе. Не сердись, – Константин не мог скрыть испорченного настроения, и Хамза заметил, – тот не в духе, потому примирительно добавил:

– Нет. Она третья жена. – И тут же объяснил, увидев удивлённый взгляд собеседника: – Старшая и вторая жёны уже умерли.

– Почему Ниязи спит на дастархане? У него, что, нет кровати?

– Чем дастархан плохая кровать? – удивился вопросу Хамза.

– Ну... муж с женой... на чём у вас спят? – Константин уже пожалел, что затеял этот разговор.

– Каждый на своей половине, – лицо Хамзы изменилось с серьёзного на лукавое, и он добавил, улыбаясь: – Вон, что ты имеешь в виду! Мы этим занимаемся в высоком старте, – и Хамза звонко рассмеялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.